

Научная работа кафедры древней истории Исторического факультета Московского государственного университета

(1939—1945 гг.)

За истекшие пять лет кафедрой древней истории Московского государственного университета была проделана значительная научная работа. За период эвакуации университета в 1941—1943 гг. научная деятельность не прерывалась. В эти годы ряд членов кафедры закончил свои докторские диссертации и с успехом защитил их в 1942—1943 гг. Пребывание в Средней Азии было использовано членами кафедры для изучения древнейшей истории Средней Азии, в частности для изучения парфянских древностей и стратегического положения древнего парфянского города, открытого на месте поселения Багир, относительно которого высказано предположение, что это древний парфянский город Ниса.

В течение 1939—1943 гг. члены кафедры древней истории защитили шесть докторских и девять кандидатских диссертаций.

Докторские диссертации были представлены проф. Н. А. Машкиным (1942 г.), проф. А. В. Мишулиным (1943 г.), проф. В. И. Авдиевым (1943 г.), проф. В. Н. Дьяковым (1943 г.), проф. М. О. Косвеню (1943 г.) и проф. В. К. Никольским (1943 г.).

Диссертация проф. Н. А. Машкина на тему «Принципат Августа, происхождение и его социальная сущность» защищалась в Ашхабаде летом 1942г. Это объемистая монография в 40 печ. листов, в которой детально анализируются условия перехода от республиканского строя к императорскому, социальные перемены, происшедшие в Римском государстве в период гражданской войны, после смерти Цезаря, и, наконец, социальная сущность принципата и его характерные черты. Официальные оппоненты проф. А. В. Мишулин и проф. Б. Н. Граков высоко оценили диссертацию, отметив исключительную эрудицию диссертанта в обширной литературе исследуемого вопроса.

Совершенно неисследованной в русской исторической науке теме была посвящена докторская диссертация Сталинского стипендиата Института истории Академии Наук СССР проф. А. В. Мишулина под названием «Античная Испания и ее вступление в борьбу за независимость (до установления римской провинциальной системы в 197 г.)». Защита диссертации происходила в июле 1943 г. в Институте истории Академии Наук СССР и привлекла широкое внимание историков Москвы. Официальными оппонентами были акад. В. В. Струве, проф. А. Б. Ранович, проф. Н. А. Машкин и проф. А. В. Арциховский.

Диссертация проф. А. В. Мишулина делится на три части: 1) античная Испания в источниках и историографии, 2) формирование иберийской культуры и первые чужеземцы на острове, 3) древние иберы против карфагенских и римских завоевателей.

А. В. Мишулин сумел, как это было отмечено всеми оппонентами, путем изучения огромного материала археологических публикаций и письменных источников, разрешить вопрос о возникновении иберийской культуры и народа (этногенез), определить место культуры иберов среди других культурных явлений Средиземноморья, показать, что древние иберы находились на той стадии общественного развития, которая носит название «военная демократия». Диссертант осветил борьбу иберов за независимость против чужеземцев—финикийцев, карфагенян и завоевателей-римлян, в которой они отстаивали свою оригинальную культуру.

Диссертация проф. В. И. Авдиева, защита которой происходила также в Институте истории Академии Наук летом 1943 г., была посвящена изучению Древнего Египта и носит название «Предпосылки завоевательной политики Египта в Передней Азии в эпоху Нового царства» (25 печ. листов). Официальные оппоненты акад. В. В. Струве, доктор исторических наук А. Б. Ранович, М. А. Коростовцев и Б. Н. Граков подчеркнули несомненное достоинство работы проф. В. И. Авдиева, хотя в результате детального разбора всего исследования выдвинули ряд существенных возражений.

Диссертация проф. В. Н. Дьякова на тему «Таврика в эпоху римской оккупа-

ПЕРЕПИСКА ГАЯ ПЛИНИЯ ЦЕЦИЛИЯ СЕКУНДА С ИМПЕРАТОРОМ ТРАЯНОМ

1 (I). ГАЙ ПЛИНИЙ — ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Поздравление к вступлению на престол)

Твоя сыновняя почтительность, о благочестивейший император, заставляла тебя желать как можно позднее стать преемником твоего отца, но бессмертные боги ускорили переход в твои доблестные руки кормила правления государства, бремя которого ты принял на себя уже и раньше. Молю богов, чтобы они послали тебе, а через тебя всему человеческому роду полную во всем удачу, достойную твоего века, и высказываю тебе, доблестный император, как частное и как должностное лицо, пожелания быть радостным и здоровым.

2 (II). ГАЙ ПЛИНИЙ — ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Благодарность Плиния за предоставление ему права отцов троих детей)

У меня нехватает слов, повелитель, чтобы выразить, какую ты мне доставил радость, признав меня достойным привилегий отцов, имеющих троих детей. Хоть ты оказал мне эту милость по ходатайству Юлия Сервиана, человека весьма почтенного и тебе весьма преданного, однако из твоего рескрипта я усматриваю, что ты тем охотнее удовлетворил его просьбу, что он просил за меня. Теперь я вижу, что достиг предела в удовлетворении своих желаний, поскольку ты в самом начале своего счастливейшего принцепата счел меня достойным твоей особой милости. Это тем более возбуждает во мне желание иметь детей, что я хотел этого всегда и ранее, даже и в минувшие тяжелые времена, как ты можешь это видеть из того, что я дважды вступал в брак. Но боги судили лучше и приберегли для меня эту радость до настоящей твоей ко мне милости. Я предпочитаю стать отцом теперь, когда я уверен в своем благополучии и счастье.

3 (XX). ГАЙ ПЛИНИЙ — ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(По поводу поручения сената Плинию выступить защитником жителей провинции Африки)

Как только в силу вашего благоволения ко мне я получил, о повелитель, должность префекта государственного казначейства при храме Сатурна, я отказался от всяких выступлений на суде, которыми, впрочем, никогда между делом не занимался, с тем чтобы всецело отдаться новой порученной мне должности. Поэтому, когда провинциалы пожелали иметь меня своим защитником против Мариа Приска, я просил освободить меня от этой обязанности и добился этого. Однако когда впоследствии избранный в консулы постановил поступить со всеми нами, чей отказ был в свое

время принят, как с находившимися в распоряжении сената и давшими согласие бросить также и наши имена в урну для баллотировки, я счел всего более соответствующим благостным временам твоего правления не возражать и подчиниться распоряжению высшего сословия в государстве, к тому же столь для меня не обременительному. Я бы хотел, чтобы ты одобрил этот акт послушания с моей стороны, потому что больше всего я стремлюсь к тому, чтобы все мои слова и поступки были одобрены твоим священнейшим для меня мнением.

За (XXI). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Оказав повиновение вполне законному требованию высшего сословия, ты поступил как хороший гражданин и сенатор. Я уверен, что ты так же исполнишь свой долг и в отношении новой принятой на себя обязанности.

4 (III). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Просьба о возведении в сенаторское звание Вокония Романа)

Благоволение твое ко мне, доблестный император, которое я испытываю на себе в полной мере, дает мне смелость просить тебя также и за моих друзей. Из них, бесспорно, все права на первое место имеет Воконий Роман, с юных лет мой товарищ по учению и военной службе. Эти основания побуждали меня просить еще твоего божественного отца возвести его в высшее сословие. Но удовлетворить эту мою просьбу предоставлено твоей милости, так как мать Романа в то время еще не выполнила всех формальностей по передаче ему имущества в 4 млн. сестерциев, как она обещала это сделать в письме, написанном ею еще твоему отцу. Впоследствии она сделала это по моим указаниям, а именно: передала ему поместье и исполнила все, что полагается при подобной передаче имущества. Итак, раз в настоящее время окончено то дело, из-за которого задерживалось осуществление моих надежд, я с полной уверенностью даю перед тобой ручательство за высокие нравственные качества моего Романа, которого украшает и преданность его изящным искусствам и исключительная почтительность по отношению к родителям, благодаря которой он заслужил и упомянутую выше щедрость своей матери, и немедленное признание за ним наследства после отца, и, наконец, усыновление вотчимом. К этому прибавляются еще и природные его дарования и блестящая слава его рода. Я надеюсь, что мое ходатайство придаст его качествам еще больше значения в твоих глазах. Итак, прошу тебя, повелитель, дать мне возможность принести ему мои столь желанные для меня поздравления, а также удовлетворить мое, надеюсь, вполне почтенное, желание хвалиться твоим милостивым расположением не только ко мне самому, но и к моему другу.

5 (IV). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Просьба предоставить права римского гражданства лекарю Гарпократу, а также двум вольноотпущенницам Антонии Максимииллы)

В прошлом году, повелитель, мучимый тяжелой болезнью чуть было не сведшей меня в могилу, я обратился к лекарю¹. Отблагодарить его достойным образом за услуги и заботы обо мне я смогу только при твоём милостивом ко мне расположении. Поэтому прошу тебя предоставить

¹ Iatralipta—лекарь, лечащий натираниями.

ему права римского гражданства¹. Дело в том, что он—вольнотпущенник иностранки и сам иностранец. Имя его—Гарпократ; госпожой его была Термутис, жена Теона, давно умершая: Прошу тебя также дать полные права гражданства² вольнотпущенникам весьма почтенной женщины, Антонии Максимиллы, именно: Гедии и Антонии Гармеридской. Обращаюсь к тебе с этим ходатайством по личной просьбе самой их госпожи.

6 (XXII). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Благодарность Плиния за исполнение Траяном его просьбы и дальнейшее ходатайство за Гарпократа)

Благодарю тебя, повелитель, что ты без промедления по моему ходатайству даровал полные права гражданства отпущенникам близкой моей знакомой³, а также право римского гражданства лекарю моему Гарпократу. Но когда я хотел, как ты предписал, указать его возраст и имущественный ценз, то более опытные в этих делах люди сказали мне, что так как он египтянин, то я должен бы сперва просить для него права александрийского гражданства, а уж потом римского. Я же, полагая, что нет никакого различия в правовом положении египтян и других иностранцев, удовольствовался тем, что написал тебе только, что он—отпущенник иностранки и что госпожа его уже давно умерла. Я не раскаиваюсь в таком своем невежестве, благодаря которому могу лишний раз быть тебе обязанным, ходатайствуя за одного и того же человека. Итак, чтобы мне воспользоваться твоею милостью с соблюдением всех формальностей, я прошу тебя предоставить ему права и александрийского и римского гражданства. А чтобы не произошло опять какой-нибудь задержки в осуществлении твоей милости, я посылаю сведения о его возрасте и имущественном цензе тем твоим отпущенникам, которых ты указал.

7 (XXIII). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Согласно с установлениями предшествовавших мне принцепсов я решил предоставлять права александрийского гражданства лишь с большой осмотрительностью. Но, так как ты добился для своего лекаря Гарпократа уже и римского гражданства, я не могу отказать тебе и в этой просьбе. Тебе нужно будет сообщить мне, из какого он нома в Египте, и я пришлю тебе письмо на имя наместника Египта, друга моего—Помпея Планты.

8 (XXIV). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Просьба Плиния предоставить ему отпуск для устройства личных дел)

Когда, о повелитель, твой божественный отец своей прекрасной речью и своим почтеннейшим примером призвал всех граждан к актам щедрости и благочестия, я просил у него разрешения перенести в муниципальный город статуи принцепсов, переданные мне благодаря целому ряду наследований и охраняемые мной в неприкосновенности в различных отдаленных поместьях. При этом я просил также разрешения прибавить к этим

¹ Civitas Romana.

² Ius Quiritium.

³ Антонии Максимиллы (см. письмо 5).

статуям и его собственную статую. Он дал мне на это полное свое согласие и я тотчас же написал декурионам, чтобы они отвели в своем городе место, где бы я мог воздвигнуть храм на свои личные средства, они же из уважения к задуманному делу предоставили право выбора места мне самому. Но я был задержан в приведении в исполнение этого благого дела сначала своей собственной болезнью, потом болезнью твоего божественного родителя, наконец, обязанностями новой, порученной мне вами должности. Только теперь я могу, повидимому, всецело и с полным спокойствием отдаться этому делу, так как месячный срок моей службы кончается 1 сентября и в следующем месяце имеется много праздничных дней. Поэтому прошу у тебя прежде всего разрешения украсить задуманный мною храм также и твоей статуей, а затем чтобы мне как можно скорее привести это в исполнение, прошу дать мне отпуск. По своей простоте я не могу скрыть от тебя, что этим ты попутно окажешь весьма большую поддержку моим имущественным интересам. Я не могу больше откладывать сдачу принадлежащих мне в той области земель в аренду, которая между прочим превышает сумму в 400 тыс. сестерциев, тем более, что ближайший сбор винограда должен был бы произвести уже новый колон. Кроме того, постоянные недороды в виноградниках заставляют меня подумать о снижении арендных цен. Всем этим распорядиться я могу только лично. Таким образом, я буду обязан твоей милости и быстрым исполнением моего благочестивого замысла и приведением в порядок моих личных дел, если ты мне дашь для того и для другого отпуск на 30 дней. Я не могу просить о более коротком сроке, так как и мой муниципий и поместья, о которых я тебе пишу, находятся более чем за 150 миль отсюда.

9 (XXV). ТРАЯН — ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Ты привел много частных оснований и всевозможные доводы общественного характера для твоего отпуска, а для меня было бы достаточно просто одного твоего желания. Не сомневаюсь, что ты вернешься к исполнению своей многообразной деятельности, как только сможешь. Что касается до постановки моей статуи в избранном тобою месте, то, хотя я вообще старательно воздерживаюсь от почестей подобного рода, все же на этот раз даю тебе свое согласие, чтобы не казалось, что я препятствую тебе в выражении твоей ко мне привязанности.

10 (V). ГАЙ ПЛИНИЙ — ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Благодарность Плиния за предоставление Гарпократу прав александрийского гражданства)

У меня нехватает, повелитель, слов, чтобы выразить, какую радость доставил ты мне своим письмом, из которого я узнал, что ты предоставил лекарю моему Гарпократу также и права александрийского гражданства, хотя, согласно установлениям предшествовавших тебе принцев, ты решил предоставлять эти права лишь с большим разбором. Сообщаю тебе, что Гарпократ — из нома города Мемфиса. Прошу тебя также, о милостивейший император, прислать мне, согласно твоему обещанию, рекомендательное письмо к префекту Египта, другу твоему — Помпею Планте. Собираюсь выехать тебе навстречу, чтобы как можно скорей испытать радость от столь желанного, повелитель, твоего возвращения. Прошу твоего разрешения выехать для встречи тебя как можно дальше.

11 (VI). ГАЙ ПЛИНИЙ — ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Просьба о награждении правами гражданства родственников медика Постуми я Марина и некоторых вольноотпущенников)

Излечением моим от постигшей меня недавно болезни, повелитель, обязан я врачу Постумию Марину. Соответственным образом отблагодарить его я могу лишь с помощью твоей милости, если ты и на этот раз по неизменному ко мне благоволению исполнишь мою просьбу.

Итак, прошу тебя даровать права гражданства¹ родственникам его: Хризиппу Митридату, жене Хризиппа Стратонике, дочери Эпигона, а также детям этого Хризиппа: Эпигону и Митридату, с тем, однако, чтобы над ними сохранилась власть отца и чтобы, вместе с тем, они сохранили права патроната над своими отпущенниками. Прошу тебя также даровать полные права римского гражданства² Люцию Сатрию Абасканту, Публию Цезию Фосфору и Панхарии Сотериде. Прошу за них с согласия их патронов.

12 (VII). ГАЙ ПЛИНИЙ — ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Просьба предоставить должность претора Акцию Суру)

Знаю, повелитель, что ты хорошо помнишь о всех моих просьбах, так как ты особенно памятлив на все дела, связанные с оказанием милости. И так как ты часто был снисходителен к моим просьбам, я решаюсь напомнить тебе об одной из них и вместе с тем усиленно просить тебя удостоить Акцию Суру должности претора, в настоящее время вакантной. Он смеет надеяться, что, хотя он и живет вдали от всех государственных дел, путь к этому почету откроют ему знатность его рода, безупречная его честность и бескорыстие при его бедности. Прежде всего ему внушают эту уверенность счастливые времена твоего правления, когда твоих граждан возвышает и делает достойными твоего благоволения их незапятнанная репутация.

13 (VIII). ГАЙ ПЛИНИЙ — ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Просьба Плиния предоставить ему должность авгура или септемвира)

Я прекрасно сознаю, повелитель, что наилучшим свидетельством и наилучшей наградой за мои строгие правила жизни служит милость, которою награждает меня столь доблестный принцепс, а потому прошу тебя, соблаговоли прибавить к той почести, которой удостоила меня твоя милость, еще одну из вакантных ныне должностей авгура или септемвира. Тогда я смогу по праву жречества публично возносить к богам мольбы о твоем благополучии, что теперь я делаю лишь частным образом, из преданности к тебе.

14 (IX). ГАЙ ПЛИНИЙ — ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Приветствие Траяну по случаю одной его победы)

Выражаю тебе, о доблестный император, свое чувство радости за тебя и за все государство по случаю столь великой, прекрасной и навеки знаме-

¹ Civitas Romana.

² Ius Quiritium.

нательной твоей победы и молю бессмертных богов, чтобы они неизменно даровали такое же счастье и успех во всех делах твоих и начинаниях и чтобы доблестными подвигами твоими была восстановлена и еще более прежнего возвеличена слава нашей империи.

15 (XXVI). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(С пути в Вифинию)

Извещаю тебя, о повелитель, что я со всеми своими спутниками хотя и был задержан неблагоприятными ветрами, все же, миновав Малейский мыс, прибыл в Эфес. Я уверен, что это тоже входит в круг твоих забот. Отсюда я предполагаю направиться дальше в провинцию: часть пути совершить на судах прибрежного плавания, часть—на повозках.

Дело в том, что, с одной стороны, сухопутное сообщение крайне тягостно из-за жары, с другой стороны, морское путешествие крайне затрудняют пассатные ветры.

13 (XXVII). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ)

(Ответ Траяна на сообщение о путешествии)

Правильно ты поступил, любезный мой Секунд, сообщив мне о своем путешествии. Меня действительно очень интересует, каким путем ты прибудешь в свою провинцию. Ты совершенно разумно решил пользоваться когда кораблями, а когда повозками, смотря по условиям местности-

17 (XXVIII). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О прибытии в Вифинию и о первых распоряжениях Плиния)

Если свой путь до Эфеса я могу считать вполне благополучным, то, наоборот, дальнейший путь по суше на повозках меня окончательно измучил: невыносимая жара и несколько приступов лихорадки заставили меня остановиться в Пергаме. Когда же я опять сел на корабль прибрежного плавания, меня снова задержали противные ветры, и я вступил в пределы Вифинии несколько позже, чем рассчитывал, именно только за пятнадцать дней до октябрьских календ. Не могу, однако, сетовать на это промедление, потому что мне все же удалось отпраздновать день твоего рождения в самой провинции, что я считаю самым лучшим для меня предзнаменованием. Теперь я знакомлюсь с расходами, приходами и должниками городского хозяйства прусцев¹. Чем более я в это углубляюсь, тем больше считаю это дело необходимым: много платежей задерживается частными лицами по самым разным причинам; с другой стороны, во многих случаях деньги расходуются без всяких законных оснований. Все это я пишу тебе, повелитель, по первом же прибытии.

Прибыв в провинцию за пятнадцать дней до октябрьских календ, я нашел ее в состоянии полного повиновения и той преданности тебе, какую ты заслуживаешь перед всем человечеством. Подумай, повелитель, не найдешь ли ты нужным прислать сюда землемера. Повидимому, здесь можно будет извлечь немало доходов от подрядчиков-застройщиков, если в точности будет произведен обмер земли. Я в этом совершенно уверен на основании ознакомления с хозяйственным положением прусцев, делами которых я усердно занимаюсь.

¹ Жители города Прусы, ныне Бруссы.

18 (XXIX). ТРАЯН — ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Я бы очень хотел, любезнейший мой Секунд, чтобы ты достиг Вифинии без ущерба для здоровья как твоего, так и всех твоих и чтобы путь твой от Эфеса был таким же удачным, как и твое плавание по Эгейскому морю. О дне твоего прибытия я узнал из твоего письма. Я уверен, что жители этой провинции убедятся в моих о них заботах. К тому же и ты не упустишь случая дать им понять, что избран мною как человек, который мог бы быть к ним послан в качестве заместителя меня самого. Прежде всего тебе следует заняться состоянием их общественных средств. Совершенно очевидно, что они приведены в крайнее расстройство. Землемеров у меня едва хватает для работ, производимых в самом Риме и поблизости от него. Но в каждой провинции можно найти людей, которым можно доверить это дело. Не будет недостатка в них также и у тебя, если только ты их как следует поищешь.

19 (XXX). ГАЙ ПЛИНИЙ — ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Об охране тюрем)

Прошу тебя, повелитель, своим советом разрешить мои сомнения, пользоваться ли мне для охраны тюрем общественными рабами городских общин, как это практиковалось до сего времени, или воинами. Я боюсь, что, с одной стороны, общественные рабы будут недостаточно надежно стеречь тюрьмы, с другой стороны, что это дело займет слишком большое количество воинов. Пока что я к общественным рабам прибавил некоторое число воинов. Но уже вижу, что грозит опасность, как бы это не стало причиной небрежного отношения к службе тех и других, так как общую вину они смогут сваливать друг на друга.

20 (XXXI). ТРАЯН — ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Нет никакой надобности, дорогой мой Секунд, занимать большое количество воинов охраной тюрем. Будем лучше придерживаться установленного в данной провинции обычая охранять их при помощи общественных рабов. А заставить их лучше исполнять эту обязанность зависит вполне от твоей строгости и взыскательности. Как ты пишешь, прежде всего приходится опасаться, как бы в случае смещения на этой работе воинов с общественными рабами они не стали небрежно относиться к службе, полагаясь друг на друга, но, кроме того, мы должны особенно заботиться о том, чтобы отвлекать как можно меньше воинов от службы под знаменами.

21 (XXXII). ГАЙ ПЛИНИЙ — ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О составе охраны при правителе Понтийской прибрежной области, Габии Бассе)

Габий Басс, наместник Понтийского побережья, посетил меня, повелитель, с выражением полного почтения и готовности к услугам и пробыл у меня в течение нескольких дней. Насколько я смог подметить, это отлич-

ный и вполне достойный твоего благоволения муж. Я поставил его в известность, что, согласно твоему предписанию, из числа порученных мне тобою когорт он должен довольствоваться десятью бенефициариями, двумя всадниками и одним центурионом. На это он мне ответил, что этого количества (воинов) ему недостаточно и что он сам будет тебе писать об этом. В силу этого обстоятельства я не счел нужным немедленно отозвать от него тех воинов, которые находятся при нем сверх (указанного тобою) числа.

22 (XXXIII). ТРАЯН — ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

И мне написал Габий Басс, что ему недостаточно того числа воинов, которое я в своей инструкции предписал дать в его распоряжение. Чтобы тебе было известно, что я ему ответил, я приказал приложить мой ответ к этому письму. Здесь очень важно решить вопрос, необходимость ли требует усиления его охраны, или просто люди хотят шире использовать свое право. Нам же прежде всего надо следить за пользой дела и, насколько возможно, заботиться о том, чтобы воины не отвлекались от службы под знаменами.

23 (XXXIV). ГАЙ ПЛИНИЙ — ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О постройке новых бань в Прусе [Бруссе])

У прусцев, повелитель, общественные бани пришли в ветхость и содержатся грязно. Сами они хотели бы, с твоего соизволения, их ремонтировать. Я же полагаю, что им следует построить новые... считаю, что ты мог бы удовлетворить их желание.

Средства на это дело найдутся: во-первых, это те, которые я уже начал собирать и взыскивать с частных лиц; во-вторых, они согласны обратиться на постройку бань те деньги, которые они сами обычно тратят на благовонные масла. Во всяком случае этого требуют и важное значение города и блеск твоего правления.

24 (XXXV). ТРАЯН — ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Отсет Траяна на предыдущее письмо)

Если постройка новых бань не будет обременительна для средств прусцев, то мы можем согласиться на удовлетворение их желания; лишь бы только они для этой цели не прибегали к новому обложению или не оказалось бы у них на будущее время недостатка средств для неотложных расходов.

25 (X). ГАЙ ПЛИНИЙ — ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О прибытии Сервилия Пудента)

Твой легат—Сервилий Пудент—прибыл, о повелитель, в Никомедию за восемь дней до декабрьских календ и избавил меня таким образом от тревог продолжительного ожидания.

26. (XI). ГАЙ ПЛИНИЙ — ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Рекомендация Розиана Гемина и просьба не забывать его своей милостью)

Твои ко мне милости, повелитель, связали меня теснейшими узами с Розианом Геминем. Он был квестором во время моего консульства, и я имел случай наблюдать с его стороны по отношению ко мне крайнюю

предупредительность. Он и по окончании моего консульства оказывает мне такое же почтение и официально выражаемое уважение довершает личными мне услугами. Поэтому прошу и тебя по моему ходатайству отнестись к нему благосклонно; поскольку ты веришь моим словам, ты и сам сочтешь его достойным своего благоволения. Он будет прилагать все усилия, чтобы точным исполнением того, что ты ему поручишь, заслужить еще больше доверия. Я воздерживаюсь от чрезмерных похвал ему, так как надеюсь, что тебе хорошо известны и его честность и добросовестность, а также и усердие к службе не только по его служебной деятельности в столице, на твоих глазах, но еще и по совместной его с тобой службе в одной военной части. Так как я считаю, что со своей стороны недостаточно сделал для него по его качествам и заслугам, я не упускаю случая, чтобы чем-нибудь его лишний раз отблагодарить. А потому прошу тебя, главным образом, чтобы ты как можно скорее согласился доставить мне радость, наградив моего квестора новой почетной должностью; его почести будут также и моими в его лице.

27 (XXXVI). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О предоставлении военной охраны прокуратору Максиму при сборе им зерна)

Отпущенник и доверенный твой—прокуратор Максим,—о повелитель, утверждает, что, помимо десяти бенефициариев, которых ты приказал мне дать почтеннейшему Гемеллину, требуются еще шесть воинов охраны и для него самого. Пока что я нашел возможным оставить ему тех трех, которых я уже раньше застал на его службе, тем более, что он направлялся на сбор зерна в Пафлагонию. Мало того, по его просьбе, для его охраны я прибавил еще двух всадников. Прошу тебя, повелитель, напиши мне, чего мне придерживаться на будущее время.

28 (XXVII). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Ты поступил правильно, снабдив моего отпущенника Максима военной охраной при отправлении его за зерном: ведь он выполняет экстраординарное поручение. Когда же он вернется к обычной своей деятельности, достаточно будет для него двух данных тобою воинов и стольких же, полученных им от Вирдия Гемеллина, моего главного управляющего, у которого он состоит помощником.

29 (XXXVIII). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О рабах, оказавшихся среди новобранцев)

Выдающийся юноша Семпроний Целиан направил ко мне двух рабов, оказавшихся среди новобранцев; я отложил их казнь, чтобы иметь возможность обратиться за советом о характере взыскания с них к тебе, учредителю и хранителю военной дисциплины. У меня же у самого по этому вопросу имеются основательные сомнения, потому что хотя они и принесли уже воинскую присягу, однако зачислены еще ни в какую определенную воинскую часть не были. Прошу тебя, повелитель, напиши мне, чего мне придерживаться, тем более, что это дело должно послужить примером для будущего времени.

30 (XXXIX). ТРАЯН — ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Семпроний Целиан поступил согласно моим предписаниям, направив к тебе людей, относительно которых нужно будет расследовать, не достойно ли их преступление смертной казни. При этом важно установить, пошли ли они добровольцами, или были взяты на службу по набору, или, наконец, пришли как чьи-нибудь заместители. Если они были взяты по набору, то в этом вина того, кто их записал; если они явились чьими-нибудь заместителями — вина на тех, кто их за себя поставил; если же они явились сами, зная о своем положении, то взыскание должно быть наложено на них самих. При этом не имеет большого значения, что они еще не были зачислены ни в какую определенную воинскую часть: правдивое показание о своем происхождении с них требовалось с самого первого дня, как они были зачислены на службу.

31 (XL). ГАЙ ПЛИНИЙ — ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О лицах, осужденных судом, но продолжающих состоять на общественной службе)

Так как ты, повелитель, разрешил мне обращаться к тебе со всеми моими недоумениями, прошу тебя и на этот раз, снизойди, не в ущерб своему величию, к моим малым заботам. Здесь во многих городах, особенно же в Никомедии и Никее, люди, осужденные на каторжные работы или на служение гладиаторами, или на другие подобные этим наказания, продолжают исполнять обязанности общественных рабов и находятся на общественной службе и даже, как вообще все общественные рабы, получают за это содержание. Когда я об этом услышал, я долго колебался, как мне поступить. С одной стороны, я считаю чрезмерно строгим подвергнуть этих людей назначенному им наказанию, так как прошло уже много времени и многие из них уже состарились и к тому же, как про них утверждают, живут честно и скромно. С другой стороны, удерживать на общественной службе людей осужденных я считаю не совсем удобным. Кроме того, считаю, что продолжать содержать этих осужденных людей на общественный счет бесполезно, а лишить их содержания даже опасно. Поэтому по необходимости я оставил все это дело нерешенным, пока не получу указаний от тебя. Может быть, ты спросишь, как это могло произойти, что люди освободились от наказания, к которому были присуждены. Я и сам задавал такой вопрос, но ничего точного не мог узнать, о чем бы мог тебе сообщить. Если мне, с одной стороны, представлены были постановления, на основании которых они были осуждены, то, наоборот, не предъявлено никаких документов, которые бы подтверждали их освобождение от наказаний. Однако нашлись среди них и такие, которые заявили, что по настоятельным своим просьбам были освобождены по распоряжению проконсулов или легатов. Это внушает доверие, потому что совершенно естественно, что никто не взял бы на себя смелость сделать что-либо подобное без согласия какого-либо авторитетного лица.

32 (XLI). ТРАЯН — ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Будем помнить, дорогой Секунд, что ты потому и послан в эту провинцию, что в ней обнаружилось много такого, что необходимо привести

в порядок. Вот, надо будет прежде всего устранить то, что люди, присужденные к наказанию, не только освободились от него, как ты пишешь, помимо властей, но даже оказываются на одном положении с честными людьми, состоящими на общественной службе. Итак, тех, которые были осуждены в течение последних десяти лет и освободились от несения наказания без достаточно законного основания, следует подвергнуть установленному для них взысканию; тех же, более пожилых и стариков, которые окажутся осужденными более десяти лет назад, будем ставить на такую работу, которая близка к роду их наказания. Обычно таких людей применяют на работу в банях, на очистке клоак, а также на починке дорог и поселков.

33 (XLII). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О пожарных командах)

Пока я, повелитель, объезжал отдаленную часть моей провинции, в Никомедии произошел громадный пожар, разрушивший много частных домов, а также, несмотря на то, что между ними находилась дорога, два общественных здания: Герусион и Изеон¹. Пожар охватил громадную площадь, во-первых, вследствие чрезвычайно сильного ветра, во-вторых, из-за бездействия людей, которые, как это удостоверено, стояли праздно и неподвижно, созерцая это ужасное бедствие. А кроме всего, в городе совершенно не оказалось ни насоса, ни пожарного ведра, вообще никаких приспособлений для тушения пожара. Теперь, как я уже распорядился, таковые будут заготовлены. Рассуди, повелитель, не сочтешь ли ты полезным организовать особую артель ремесленников-пожарных, примерно человек в 150. Я буду следить за тем, чтобы в нее принимались действительно исключительно ремесленники и чтобы они не пользовались предоставленными им правами для каких-либо других целей. За таким небольшим числом людей уследить будет нетрудно.

34 (XLIII). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Тебе пришла мысль, что в Никомедии, по примеру многих других городов, можно организовать артель пожарных. Но не будем с тобой забывать, что порученная тебе провинция и особенно этот город много претерпели именно от подобного рода организаций. Какое бы ни давали название или назначение людям, объединенным в такие артели, последние в скором времени превращаются в нелегальные союзы или гетерии. Итак, лучше запастись всем, что может быть полезно при тушении пожаров, воздействовать на владельцев домов, чтобы они и сами заботились о том же, и, наконец, прибегать в случаях нужды к помощи сбежавшегося на пожар народа.

35 (XLIV). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О торжественных молениях в честь Траяна)

Сообщаю тебе, повелитель, что мы приняли на себя торжественные обеты за твое благополучие, на котором зиждется все наше общественное благо, а также и выполнили их, моля богов, чтобы они всегда и в будущем так же содействовали их выполнению и счастливому знаменованию.

¹ Храм Изиды.

33 (XLV). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Благодарность за произнесение обетов)

Приятно было мне узнать из твоего письма, дорогой мой Секунд, что ты и жители твоей провинции выполнили торжественные обеты за мое благополучие и здоровье и приняли на себя новые.

37 (XLVI). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О водопроводе для Никомедии)

Повелитель, никомедыне уже вложили в строительство своего водопровода 3 329 тыс. сестерциев, однако он до сего времени еще не закончен, брошен и даже разрушен; на новое строительство израсходовано еще 200 тыс. сестерциев, но оно тоже заброшено, и теперь, чтобы снабдить город водой, требуется новая затрата, несмотря на то, что уже зря израсходованы такие громадные суммы. Я сам нашел чистейший источник, из которого вода могла бы быть проведена в город, как это было предположено в самом начале, при помощи арочного сооружения, с таким расчетом, чтобы вода попадала не только в низкие части города. От прежнего сооружения сохранилось лишь очень немного арок, некоторые могут быть сооружены из обтесанных камней, взятых с места первого строительства, остальные, как мне кажется, можно будет сделать из обожженных кирпичей: это будет сделать легче и обойдется дешевле. Но, главным образом, нужно, чтобы ты прислал нам сюда мастера по водопроводным делам или архитектора, чтобы не повторилось того, что уже не раз случалось. Я же со своей стороны утверждаю, что это сооружение по своей полезности и красоте вполне достойно твоего века.

38 (XLVII). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Необходимо позаботиться о проведении воды в Никомедию. Я вполне уверен, что ты примешься за выполнение этого дела с подобающей энергией. Но, клянусь Юпитером, с такой же энергией должен ты будешь расследовать, по чьей вине никомедыне загубили напрасно на это дело столько денег и не проводили ли они свое время, и когда начинали строительство и когда его бросали, во взаимных поздравлениях и награждениях. Поставь меня в известность о том, что ты узнаешь по этому делу.

39 (XLVIII). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О строительстве театра в Никее и др.)

В Никее, повелитель, строительство театра, в значительной своей части выполненное, но все еще не доведенное до конца, потребовало, как я слышал, уже более 10 млн. сестерциев, причем до конца я всей сметы еще и не рассмотрел. Боюсь, как бы эти затраты не оказались напрасными. Здание оседает, и в нем зияют громадные трещины, то ли по причине сырой и мягкой почвы, то ли из-за хрупкости и рыхлости самого строительного материала. Стоит серьезно подумать, нужно ли доводить строительство до конца, не лучше ли его оставить или, может быть, даже разобрать постройку. Фундамент и контрфорсы, которыми поддерживается постройка, кажутся мне не столько солидными, сколько дорого стоящими. В связи со строительством этого театра много было сделано частными лицами

разных обещаний: построить вокруг роскошные базилики, а над местами для зрителей—порттики. Но все это теперь отложено, потому что задержалось строительство самого театра, который должен был быть закончен прежде всего другого... Те же никейцы еще до моего приезда начали восстанавливать гимнасион, разрушенный пожаром, делая его более обширным и поместительным, чем раньше. На эту постройку они тоже израсходовали уже много денег; есть опасение, что и на этот раз без пользы. Гимнасион—какой-то некрасивый, и план его плохо сложен. Кроме того, архитектор, несомненно противник инициатора постройки, утверждает, что стены здания—хотя в них и 22 фута толщины—не смогут выдержать тяжесть опирающегося на них сооружения, потому что они заполнены внутри щебнем и не обложены обожженным кирпичом. Клавдиополиты тоже больше роят, чем строят, огромные бани на очень низком месте под нависшей скалой. А тратятся на это те деньги, которые булевты, дополнительно зачисленные по твоему милостивому разрешению, частью уже внесли из чувства благодарности при вступлении в почетное звание булевтов, частью внесут, как только я этого с них потребую. Итак, опасаясь, что в одном случае плохо используются общественные деньги, в другом,—что ценнее всяких денег,—твое пожалование, я вынужден просить тебя прислать архитектора не только для театра, но и для этих бань, чтобы он разобрал, лучше ли будет, после того как уже сделано столько затрат, довести как-нибудь до конца начатые постройки, или, может быть, лучше исправить то, что сделано плохо, или отложить выполнение того, что может быть сделано впоследствии, чтобы мы, желая сохранить то, на что уже столько затрачено, не стали расходовать неразумно еще и те средства, которые придется добавлять.

40 (XLIX). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Ты сам на месте лучше всего сможешь разобрать и решить, что следует сделать с театром, начатым в Никее. Меня же достаточно будет просто известить о принятом тобою решении. От частных же лиц тебе придется потребовать исполнения того, что они обещали, лишь после окончания постройки театра. Греки твои имеют пристрастие к гимнасиянам; потому, вероятно, никейцы приступили к постройке своего с чрезмерным увлечением. Им следует, однако, удовольствоваться таким, какой мог бы быть для них достаточно вместительным. Сам же ты реши, что посоветовать клавдиополитам относительно их бань, для которых они, как ты пишешь, выбрали не особенно удобное место. У тебя не может быть недостатка в архитекторах. Нет такой провинции, где бы не нашлось опытных и талантливых в этой области людей; не думай только, что легче их прислать тебе из столицы,—ведь и к нам сюда они обычно приезжают из Греции.

41 (L). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О проекте канала, соединяющего Никомедийское озеро с морем)

Размышляя о твоем счастье, а также о величии твоего духа, я считаю уместным предложить тебе, повелитель, один проект, вполне достойный увековечить твою славу как по своей красоте, так и по своей пользе. Есть в пределах Никомедийского округа большое озеро, по нему доставляются до самой дороги на судах с малой затратой денежных средств и труда сельские плоды, мрамор, лес и другие строительные материалы, дальнейшая же их переправа на повозках к морю сопряжена с большим

трудом и с еще большими издержками. Итак, дело идет о соединении озера с морем. Это дело, правда, требует очень много рабочей силы, но силы эти не трудно найти, потому что много народу живет здесь в сельских округах, еще больше подходящих людей имеется в городе, и всегда можно быть уверенным, что все охотно будут браться за столь полезное для всех дело. Остается только, чтобы ты, если найдешь возможным, прислал нивелировщика или архитектора, чтобы тщательно расследовать, действительно ли уровень озера выше уровня моря; местные мастера утверждают, что озеро выше моря на сорок локтей. Я обнаружил в этой местности остатки канала, начатого еще при царе; непонятно только мне—для осушения ли окружающих полей, или для соединения озера с рекой. Канал этот так и остался недоконченным, и тоже неизвестно—по случаю ли смерти царя, или из-за того, что строители отчаялись достигнуть цели этого сооружения. Но именно это-то обстоятельство больше всего и побуждает меня желать,—ты, пожалуй, сочтешь, что я слишком беспокоюсь о твоей славе,—чтобы тобою было завершено то, что царями было только начато.

42 (LI). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Соединение озера, о котором ты пишешь, с морем может быть соблазнительным для нас предприятием, но, конечно, надо тщательно расследовать, не вытекло бы озеро, будучи соединено с морем, а затем точно установить, сколько воды оно само в себя принимает и откуда. Ты сможешь затребовать нивелировщика у Кальпурния Макра, кроме того, и я вышлю тебе отсюда какого-нибудь знающего это дело мастера.

43 (LII). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О сокращении расходов города Византия на представительство)

При рассмотрении расходных статей города Византия, достигших чрезвычайно больших размеров, я обнаружил, повелитель, что византийцы каждый год отправляли к тебе посла с приветственной грамотой, причем ему давалось каждый раз по 12 тыс. сестерциев. Помня твои указания, я счел нужным посла больше не отправлять, а посылать тебе только грамоту с поздравлением, чтобы таким образом сократить расходы и все же соблюсти долг почтения. Этой же городской общиной ставятся в счет по 3 тыс. сестерциев, которые, под видом дорожных денег, выдавались ежегодно посланцу с поздравлениями от имени общины правителю Мезии. Я считаю нужным на будущее время эти траты урезать. Прошу тебя, повелитель, написать мне, что ты об этом думаешь, и либо поддержать меня в моих решениях, либо указать мне мои сшибки.

44 (LIII). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Правильно ты поступил, дорогой Секунд, отменив расход тех 12 тыс. сестерциев, которые византийцы давали послу, отправляя его ко мне с приветствиями. В этом отношении вполне достаточно, если тобою будет посылаться ко мне одна поздравительная грамота. И наместник Мезии охотно им простит, если они будут чествовать его с меньшей затратой средств.

45 (LIV). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О просроченных охранных грамотах)

Прошу тебя, повелитель, напиши мне, согласно ли с твоей волей, чтобы просроченные охранные грамоты вообще сохраняли свою силу и на сколько именно времени: разреши мои сомнения. Я опасаясь, как бы по своему незнанию мне не впасть в двоякую ошибку: с одной стороны, не утвердить чего-нибудь незаконного, с другой же стороны—не запретить чего-либо необходимого.

46 (LV). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Никакие просроченные охранные грамоты или привилегии не должны иметь силы. Я поэтому считаю одной из первых своих забот рассылать по всем провинциям новые грамоты, прежде чем в них встретится нужда

47 (LVI). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О проверке и утверждении бюджета города Апамеи)

Когда, повелитель, я хотел ознакомиться с приходами и расходами города Апамеи и задолженностью этому городу частных лиц, я получил в ответ заявление, что все горожане даже очень хотят, чтобы я ознакомился полностью с бюджетом города: ведь он никогда не проверялся ни одним проконсулом, так как жители Апамеи пользовались всегда весьма старинным обычаем и привилегией управлять своим городом самостоятельно. Я потребовал, чтобы они записали в протокол все, что они мне говорят и что зачитывали по документам. Этот протокол я посылаю тебе в том виде, как он был мне дан, хотя и понимаю, что многое в нем не имеет отношения к тому, о чем идет речь. Прошу тебя, соблаговоли дать мне указания, чего мне придерживаться. Я боюсь или превысить свою власть, или, наоборот, невыполнить того, что должен сделать.

48 (LVII). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Протокол города Апамеи, приложенный к твоему письму, освободил меня от необходимости расследовать, на основании чего горожане этого города хотят представить дело так, будто бы лица, управлявшие этой провинцией в качестве проконсулов, уклонялись от просмотра их бюджета, в то время как они не возражают против того, чтобы ты подробно с ним ознакомился. Их честность и правдивость поистине достойны награды, так как они уже и теперь вполне уверены, что производимая тобой инспекция будет делаться с моего ведома и без нарушения их привилегий.

49 (LVIII). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О перенесении храма Великой Матери)

Еще до моего приезда, повелитель, никомедяне начали к старому своему форуму пристраивать новый, так что стоящий на углу древнейший храм Великой Матери приходится или перестраивать, или переносить на другое место. Главным основанием для этого является то, что храм этот гораздо ниже возводимого, чрезвычайно высокого здания. Когда я запросил, существует ли какой-нибудь закон, ограждающий права этого

храма, я узнал, что здесь посвящение делается по-другому, чем у нас в Риме. Рассуди, повелитель, может ли быть перенесен храм, не охраняемый особым законом, без оскорбления религии. Вообще же это сделать очень удобно, если только не будет этому препятствовать религия.

50 (IХ). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Ты можешь, дорогой мой Секунд, перенести храм Матери богов, если этого требует расположение местности, на другое, более удобное место, не беспокоясь о религии. Пусть тебя не смущает, что нет никакого акта посвящения этого храма: почва чужеземного города не может быть освящена на таких же основаниях, как это делается по законам нашей религии.

51 (XII) ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Благодарность Плиния за исполнение его просьбы в отношении Целия Клемента)

Трудно выразить словами, повелитель, как я был обрадован, когда узнал, что ты исполнил мою просьбу и просьбу моей тещи направить близкого ее родственника Целия Клемента в эту мою провинцию. Когда я вижу с твоей стороны столько милостей по отношению ко мне самому и ко всей моей семье, это позволяет мне постигнуть всю меру твоего ко мне благоволения. Я не смею даже думать, чтобы когда-нибудь смог воздать тебе равную благодарность с моей стороны, хотя вполне сознаю, сколько тебе обязан. Итак, прибегаю к мольбам и обетам и молю богов, чтобы мне никогда не оказаться недостойным тех милостей, которыми ты меня непременно осыпашь.

52 (LX). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О торжественном праздновании годовщины вступления Траяна в управление империей)

Годовщину того дня, в который ты спас, о повелитель, нашу империю, взяв на себя управление ею, мы отпраздновали, соответственно твоим заслугам, с торжественной радостью и молили богов сохранить тебя невредимым и благополучным на благо рода человеческого, счастье и безопасность которого от тебя зависят. Все твои войны под моим предводительством возобновили по установленному чину свою присягу, а за ними, соревнуясь в преданности тебе, принесло присягу и подтвердило ее клятвой все гражданское население провинции.

53 (LXV). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Весьма доволен был я узнать, любезнейший мой Секунд, из твоего письма, с каким благоволением и с какой радостью мои воины и провинциалы во главе с тобой отпраздновали годовщину дня вступления моего в управление империей.

54 (LXII). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О снижении процента на ссуды из государственного имущества)

Общественные деньги, повелитель, в силу твоего предусмотрительного распоряжения и благодаря моим стараниям частью уже взысканы и продолжают взыскиваться. Боюсь только, как бы они не остались мертвым капи-

талом. Случаев для приобретения недвижимого имущества или совсем не бывает, или бывает очень мало; с другой стороны, не находится и таких людей, которые бы согласились брать взаймы из общественных средств за 12% годовых, особенно когда они под такие же проценты могут взять деньги у частных лиц. Рассуди, повелитель, не найдешь ли ты возможным несколько снизить процент, чтобы таким образом привлечь к займам надежных людей, а если нельзя будет найти охотников брать эти деньги и на новых условиях, не распределить ли их среди декурионов под солидное обеспечение в пользу государства. Хотя они от этого и отказываются и берут неохотно, бремя для них будет менее тяжелым, если процент будет ниже.

55 (LXII). ТРАЯН—ПЛИНИУ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Я и сам, любезнейший мой Секунд, не вижу другого средства, чтобы легче размещать государственные средства, как понизить процент на кредит. Размер понижения ты определишь сам, смотря по числу лиц, которые будут брать взаймы. Побуждать же людей брать против воли деньги, которые, может быть, у них самих останутся без применения, не соответствует справедливости нашего времени.

56 (LXIV). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Просьба разрешить спорный вопрос о лицах осужденных, но впоследствии освобожденных от наказания)

Всемерно благодарю тебя, повелитель, за то, что ты, будучи занят важнейшими делами управления, не отказываешься давать мне указания по вопросам, о которых я тебя спрашиваю. Прошу тебя и на этот раз поступить так же. Обратился ко мне один гражданин и заявил, что противники его, присужденные славнейшим Сервилием Кальвом к высылке на три года, все еще пребывают в провинции. Сами же эти люди, напротив, заявили, что они были восстановлены в правах тем же Сервилием Кальвом и читали мне его распоряжение. По этой причине я счел необходимым доложить тебе об этом деле, не принимая никакого решения. В твоих инструкциях указано, чтобы я не освобождал от наказания никого из осужденных мною самим или кем-либо другим, но ничего в них не сказано о таких, которые были осуждены на изгнание и потом освобождены от этого наказания тем же самым лицом. Тем более вынужден я обратиться к тебе за разъяснением, чего мне придерживаться, что дело касается, клянусь Геркулесом, не только вышеуказанных лиц, но и некоторых других, осужденных на вечное изгнание, не восстановленных в правах и все еще продолжающих пребывать в провинции. Приходится мне разбирать и такие случаи. Так, был приведен ко мне однажды некто, осужденный на вечное изгнание проконсулом Юлием Бассом. Зная, что все решения Басса аннулированы и что сенат осужденным им лицам дал право требовать нового пересмотра дела в течение по крайней мере двухгодичного срока, я спросил этого осужденного им на изгнание человека, обращался ли он вторично к суду и заявил ли об этом проконсулу. Он сказал, что ничего этого не делал. Вот это обстоятельство и вынуждает меня обратиться к тебе за советом, следует ли его подвергнуть наложенному на него взысканию или какому-либо другому, еще более тяжелому, и как вообще ты считаешь наиболее правильным поступить с этим человеком и с другими, если еще обнаружится кто-либо в таком положении. Приговор Кальва и распоряжение о его отмене, а также приговор Басса прилагаю при сем письме.

57 (LXV). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Какое принять решение по отношению к тем, которые были осуждены проконсулом Публием Сервилием Кальвом на трехлетнее изгнание, а вскоре после того его же распоряжением были освобождены от наказания и остались в провинции,—я напишу тебе особо, после того как запрошу об этом деле самого Кальва. Что же касается того человека, который был осужден Юлием Бассом на вечное изгнание и, имея в течение двух лет право обжаловать это решение, если считал, что он осужден несправедливо, этого не сделал, а продолжал пребывать в провинции, то его следует заключить в оковы и отправить к моим префектам претория. Недостаточно подвергнуть его наложенному на него наказанию, если он своим упорным неповиновением пренебрег решением суда.

58 (LXVI). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Дело Флавия Архиппа с приложением документов)

Когда я, повелитель, однажды, собираясь начать судебное заседание, оглашал имена приглашенных судей, Флавий Архипп стал просить об освобождении его от этой обязанности под тем предлогом, что он—философ. При этом нашлись такие, которые заявили, что не только следует его освободить от участия в судебном заседании, но вообще вычеркнуть из списка судей и подвергнуть наказанию, от которого он в свое время освободился, бежав из тюрьмы. Был оглашен приговор проконсула Велия Павла, осуждающий Архиппа за подлог к каторжным работам в рудниках. Он же не предъявил никакого свидетельствующего о его оправдании документа; но предъявил с целью восстановления себя в правах прошение, поданное им в свое время Домициану, письмо этого принцепса с хорошим о нем отзывом и постановлением о нем жителей Прусы. Он добавил к этому и письмо, написанное к нему тобой, а также и эдикт и письмо твоего отца, каковыми документами он будто бы закрепил данные Архиппу Домицианом привилегии. Таким образом, хотя ему предъявляются еще и другие обвинения, я не счел возможным принять относительно его какое-либо решение, не запросив твоего мнения об этом деле, которое я считаю достойным того, чтобы ты его разрешил сам. Я прилагаю при сем письме документы, на которые ссылаются обе стороны.

Письмо Домициана к Теренцию Максиму

Философ Флавий Архипп получил от меня разрешение на покупку для него поместья близ его родного города Прусиады за 600 тыс. сестерциев, чтобы ему с семьей кормиться на доход с него. Я хочу это для него сделать; ты отнесешь затраченную сумму за счет моих раздач.

Письмо Домициана к Аппию Максиму

Рекомендую тебе философа Архиппа, человека добропорядочного, нравами своими вполне соответствующего своей профессии. Будь к нему благосклонен, любезный мой Максим, и оказывай ему полную поддержку во всем, о чем бы он ни стал тебя, на законном основании, просить.

Эдикт божественного Нервы

Уже само благополучие нашего времени, квинриты, несомненно, о многом свидетельствует, и нет надобности ныне ожидать появления хоро-

шего правителя, когда достаточно его просто познать; ведь мои граждане могут и без напоминания убедиться, что общее благо я ставлю выше моего личного покоя, так что я с благоволением раздаю новые милости и охраняю предоставленные до меня. Однако, чтобы не было никакого умаления общего благоденствия в силу ли некоторого недоверия тех, кто раньше уже был наделен привилегиями, в силу ли постоянных воспоминаний о тех лицах, от которых они ими были получены, я счел бы за благо и необходимость предупредить всевозможные сомнения объявлением своего благоволения. Я не хочу, чтобы кто-нибудь имел основания думать, что все полученные до меня привилегии я уничтожу, по крайней мере хотя бы для того, чтобы потом люди были за них обязаны именно только мне. Пусть все останется в прежней силе и определенности. Привилегии, полученные раньше теми, на кого фортуна империи взглянула более милостивым взором, не требуют повторных ходатайств. Да будет всем известно, что я готов расточать и новые привилегии.

Пусть только знают, что просить следует исключительно о том, чего еще не имеют.

Письмо императора Нервы к Туллию Юсту

Так как я принял решение соблюдать установленный порядок во всех делах, начатых и решенных до меня, то, следовательно, надо считать в силе и все грамоты, выданные Домицианом.

59 (LXVII). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О том же)

Флавий Архипп умоляет меня, повелитель, во имя твоего блага и вечности твоей славы, чтобы я послал тебе прошение, которое он мне вручил. Я счел возможным удовлетворить его просьбу, произнесенную им таким образом, однако с тем условием, что я поставлю в известность об отправке тебе этого прошения его обвинительницу. К этому я присоединяю также заявление, переданное мне ею самою, чтобы тебе легче было принять решение по этому делу, как если бы ты выслушал ту и другую сторону.

60 (LXVIII). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна по вопросу о Флавии Архиппе)

Домициан мог и не знать, каково положение Архиппа, когда давал о нем столь лестные отзывы. Но мне кажется более естественным предположить, что вмешательство принцепса в дело Архиппа преследовало цель укрепить его положение. Тем более, что неоднократно за Архиппом признавалось право иметь статуи предков людьми, которые не могли не знать приговора по его делу проконсула Павла. Все это, мой любезнейший Секунд, никак не должно отразиться на том, чтобы ты не считал нужным снова его потребовать на суд, если бы ему было предъявлено какое-либо новое обвинение. Заявление обвинительницы Фурии Примы, а также и самого Архиппа, приложенные тобою к письму, я прочел.

61 (LXIX). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О строительстве канала; см. письма 41 и 42)

С необычайной прозорливостью ты, повелитель, выражаешь опасения, как бы озеро, будучи соединено с рекой, а следовательно, и с морем, все

не вытекло. Но мне кажется, что я в настоящий момент нашел уже способ избежать этой опасности. Именно, озеро может быть подведено каналом к реке, но целиком с нею не слито, если оставить как бы барьер который будет и удерживать воду из озера и отделять его от реки. Таким образом мы достигнем того эффекта, что озеро не лишится воды от соединения с рекой, и все же на деле выйдет так, как если бы эти воды действительно были соединены. Действительно, через узкую полосу земли легко можно будет переправлять в реку грузы, доставленные по каналу. Так это можно будет устроить, если это окажется необходимым; но я надеюсь, что такой необходимости и не будет. В самом деле, и само озеро достаточно глубоко, и в настоящее время из него вытекает река в противоположном направлении. Если ее запрудить и направить ее воды в нужном для нас направлении, то она без всякого ущерба для озера будет давать ему столько же воды, сколько теперь из него уносит. Кроме того, на том пути, по которому должен быть вырыт канал, попадают ручьи. Наконец, если считать более желательным прорыть канал еще дальше и, сделав его более узким, сравнять его уровень с морем, т. е. вывести его не в реку, а непосредственно в море, то морской прилив будет сохранять и отталкивать назад ту воду, которая будет поступать из озера. Если же условия места не дадут нам осуществить ни одного из этих предположений, то ведь уже давно испытан способ управлять течением воды при помощи плотин. Но все это и множество других условий лучше всего исследует нивелировщик, которого ты мне, конечно, должен прислать, повелитель, как и обещал. Дело это, действительно, достойно и твоего величия и твоего внимания. А я между тем по твоему указанию написал почтеннейшему Кальпурнию Макру, чтобы он направил ко мне самого искусного нивелировщика, какой только у него имеется.

62 (LXX). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Любезнейший мой Секунд, ты проявил величайшую осмотрительность и много усердия в деле строительства канала, предусматривая все обстоятельства, чтобы не подвергать озеро опасности утечки воды и чтобы было от него нам больше пользы. Избери тот путь строительства, какой больше всего подскажут местные условия. Я вполне уверен, что Кальпурний Макр пришлет тебе нивелировщика, потому что в тех¹ провинциях не бывает недостатка в знатоках этого дела.

63 (XI). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О проезде посла Босфорского царя Савромата)

Ликорм, отпущенник твой, писал ко мне, повелитель, и просил в случае, если бы прибыло из Босфора какое-либо посольство, направляющееся в столицу, задержать его до его приезда. Но до сих пор никакого посольства, по крайней мере в тот город, где я сам пребываю, не приезжало. Прибыл, однако, курьер с письмом царя Савромата. Я счел нужным, воспользовавшись для этого представившимся мне удобным случаем, отправить его к тебе вместе с курьером, посланным ко мне вперед себя Ликормом. Я это сделал, чтобы ты мог, одновременно познакомившись с письмами Ликорма и царя, узнать то, что, может быть, тебе необходимо узнать как можно скорее и одновременно.

¹ Т. е. восточных: Макр был проконсулом Мезии.

64 (XIV). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О том же)

Царь Савромат написал мне, что в его письме к тебе заключается нечто такое, что тебе следует узнать как можно скорее. Поэтому я, чтобы ускорить поездку курьера, направленного мною к тебе с письмом царя, предоставил ему казенную подорожную грамоту.

65 (LXXI). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О правах детей, брошенных при рождении и воспитанных в рабстве)

Важным и относящимся ко всей провинции вопросом является вопрос об общественном положении и средствах существования так наз. *φρεπτοί*¹. Рассмотрев постановления об этом прежних принцепсов и не найдя в них ничего, что могло бы быть принято за общее установление или за относящееся, в частности, к Вифинии, я решил обратиться к тебе за советом, как бы ты хотел, чтобы было решено это дело. Не считал я также возможным опираться в этом деле, требующем вмешательства твоего авторитета, на прецеденты. А именно, представлен был мне эдикт, приписываемый божественному Августу и относящийся к Азии, представлены были и письма божественного Веспасиана и божественного Тита к лакедемонянам, а также и к ахейцам и письма Домициана к проконсулам этих провинций—Авидию Нигрину и Армению Бокху, а также и к самим лакедемонянам. Я не посылаю тебе их потому, что некоторые из них кажутся мне неисправными, а другие—недостойными доверия, и потому еще, что, как я полагаю, все эти документы, подлинные и исправленные, имеются в твоём архиве.

66 (LXXII). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Разрешение вопроса о подкинутых при рождении детях)

Вопрос о свободнорожденных детях, брошенных при рождении, а затем кем-нибудь подобранных и воспитанных в рабстве, обсуждался неоднократно. Но во всех разъяснениях по этому вопросу предшествовавших мне принцепсов нет таких положений, которые распространялись бы на все провинции. Правда, существуют письма Домициана к Авидию Нигрину и Армению Брокху, которых, может быть, и следовало бы придерживаться, но среди тех провинций, для которых он их писал, нет Вифинии. Итак, полагаю, не следует отказывать в отпуске на свободу тем, которые будут требовать судом освобождения из такого своего положения; полагаю также, что нет надобности выкупать самую свободу возмещением содержания.

67 (XV). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О после царя Савромата)

Повелитель, после того как посол царя Савромата пробыл в Никее, где он застал меня, по своей воле два дня, я не считал возможным задерживать его здесь долее. Во-первых, потому что было неизвестно, когда прибудет сюда отпущенник твой Ликорм; кроме того еще и потому, что сам я по неотложным делам службы должен был направиться в противоположную часть провинции. Я считаю нужным довести об этом до твоего сведения

¹ *φρεπτοί*—подкидыши, обращенные в рабство.

так как недавно писал тебе, что Ликорм просил меня, в случае если прибудет какое-либо посольство из Босфора, задержать его до его приезда. Но я не нахожу никаких оснований делать это дольше, в особенности еще потому, что письмо Ликорма, которое я, как уже писал тебе, у себя оставляю не хотел, повидимому, прибудет к тебе на несколько дней ранее этого посла.

68 (LXXIII). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О перенесении праха умерших из разрушенных могил)

Ко мне обращаются некоторые с просьбой, чтобы я разрешил им, по примеру других проконсулов, перенести останки своих близких вследствие разрушения их могил от времени или от разливов рек, или от каких-либо других подобных причин. Так как мне было известно, что в столице нашей по таким вопросам обычно обращаются к коллегии понтификов, то обращаюсь к тебе, повелитель, как к верховному понтифику, за разъяснением, чего мне согласно твоей воле придерживаться.

69 (LXXIV). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Было бы слишком жестоко требовать от провинциалов, чтобы они обращались к понтификам, если хотят по каким-нибудь основательным причинам перенести останки своих близких с одного места на другое. В таких случаях тебе больше надо опираться на примеры управлявших до тебя этой провинцией и либо разрешать, либо отказывать—в зависимости от каждого отдельного случая.

70 (LXXV). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О постройке бань в Прусе)

Когда я стал выбирать, повелитель, на каком бы месте можно было построить бани в Прусе, которые ты соизволил разрешить, мне понравилось место, на котором стоит дом, некогда, как я слышал, прекрасный, а теперь разрушенный и безобразный. Ставя бани на этом месте, мы достигнем того, что весьма некрасивый вид города скрасится и вместе с тем город обогатится новой постройкой, причем ни одного строения не будет снесено, а, наоборот, разрушенные ветхостью будут приведены в лучшее состояние. История же этого дома такова. Клавдий Полиэн завещал его императору Клавдию и приказал в перистиле воздвигнуть в честь его храм, все же остальное помещение в доме сдать в аренду. В течение некоторого времени город получал от этого доход. В дальнейшем же это имущество частью было разграблено, частью пришло в запущение, весь дом с перистилем развалился, и от всего этого сооружения ничего почти не осталось, кроме голый почвы. Сблаговолит ли ты, повелитель, подарить эту землю горожанам, или прикажешь продать ее—они одинаково сочтут это, вследствие удобного расположения места, за величайшую твою к ним милость. Итак, если будет на то твое благоволение, я предполагаю на пустом ровном месте поставить бани, а то пространство, которое было занято зданием, застроить скамьями для зрителей и галереями, посвятив все это тебе, благодаря милости и щедрости которого воздвигнется роскошное сооружение, достойное твоего имени. Посылаю тебе копию с завещания Полиэна; хотя она и полна ошибок и неточностей, все же ты увидишь, что Полиэн оставил большие средства на украшение и поддержание этого дома. Однако они пропали, как погиб и сам дом. Я же все-таки буду их искать, поскольку это будет возможно.

71 (LXXVI). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Мы можем использовать для постройки бань в Прусе свободную, как ты пишешь, площадь с развалившимся домом. Недостаточно только точно ты написал, был ли воздвигнут храм в честь Клавдия в перистиле этого дома. Так как, если только там был воздвигнут храм, то, пусть он даже развалился, это место продолжает быть священным.

72 (LXXVII). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О признании отцами детей и присвоении им прав согласно их рождению)

Так как многие настойчиво просят меня, чтобы я сам разрешал вопросы признания отцами детей и о присвоении им прав по их рождению, согласно письму Домициана к Миницию Руфу или согласно решениям прежних проконсулов, я обратился к восстановлению сената, относящемуся к подобного рода делам, но в нем говорится только о тех провинциях, во главе которых стоят проконсулы. Поэтому, о повелитель, я оставил этот вопрос открытым, пока ты мне не укажешь, какого ты ждешь от меня решения.

73 (LXXVIII). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Я смогу сказать тебе, следует ли тебе лично производить расследование по вопросу о признании отцами детей и о присвоении им законных прав по их рождению, только если ты пришьешь мне то постановление сената, которое привело тебя в смущение.

74 (XVI). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Дело Каллидрома)

Повелитель, один воин никомедийского гарнизона, Апулей, сообщил мне письменно, что некто по имени Каллидром в тот момент, когда пекари Максим и Дионисий, у которых он служил по найму, пытались насильно его задержать, искал убежища у твоей статуи, а затем, будучи приведен в магистратуру, показал, что он некогда был рабом Лаберия Максима, что затем был захвачен Сусагом в Мезии и Децебалом подарен Парфянскому царю Пакору, у которого и находился в услужении в течение нескольких лет, что затем он от него бежал и таким образом прибыл в Никомедию. Когда его привели ко мне и он рассказал все то же самое, я решил отправить его к тебе. Некоторая задержка произошла при этом оттого, что я приказал сыскать гемму с изображением Пакора со всеми знаками царского достоинства, которую, по словам Каллидрома, у него украли. В случае, если бы она нашлась, я хотел ее также послать тебе, как послал тебе слиток металла из парфянского рудника, который, как он говорит, он сам унес оттуда. Он запечатан моей печатью с изображением квадриги¹.

75 (LXXIX). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О способах использования для прославления императора Траяна средств умершего Юлия Ларга, назначившего Плиния своим душеприказчиком)

Некто Юлий Ларга, повелитель, житель Понтийского побережья, которого я никогда ранее не видел и о котором даже ничего не слышал, пола-

¹ Колесница, запряженная чегверкой.

гаясь, повидимому, на твое обо мне суждение, возложил на меня распределение и управление средствами, завещанными им в изъявлении своей к тебе преданности. Именно, в своем завещании он распорядился, чтобы я был его душеприказчиком и распределил все его наследство таким образом: взяв себе 50 тыс. сестерциев, все остальное обратил бы в пользу жителей Гераклеи и Тианы и решил бы по свсему усмотрению либо воздвигнуть на эти средства постройки, посвященные твоему прославлению, либо учредить повторяющиеся через каждые пять лет общественные игры, которые стали бы именоваться играми Траяна. Я счел необходимым поставить тебя об этом в известность, главным образом для того, чтобы ты мог дать мне указание, что из этого мне выбрать.

76 (LXXX). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Юлий Ларга избрал своим доверием тебя, как если бы хорошо тебя знал. Поэтому ты сам рассуди, что могло бы лучше всего увековечить его память, соответственно местным условиям каждого города, и сделай то, что сочтешь за наилучшее.

77 (LXXXI). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О должности центуриона для городов Византия и Юлиополиса)

Величайшую ты явил, повелитель, заботливость, дав почтеннейшему Кальпурнию Макру предписание учредить в Византии должность пехотного центуриона во главе местного отряда воинов. Рассуди, не найдешь ли ты возможным подобным же образом прийти на помощь жителям Юлиополя. Их город, будучи очень мал, находится в тяжелом положении и тем более несправедливо страдает от обид, чем более он сам слаб. Все, что ты нашел бы возможным сделать для юлиополитов, было бы весьма полезно для всей провинции: город их расположен при входе в Вифинию, и через него провозится множество товаров.

78 (LXXXII). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Город Византий благодаря массе стекающегося в него отовсюду народа находится на совершенно особом положении, поэтому, согласно установившемуся за предшествующее время обыкновению, решили мы из уважения к этому городу поставить там отряд воинов во главе с центурионом. Если бы мы пришли таким же образом на помощь юлиополитам, мы бы создали стеснительный для нас прецедент. Много других городов, чем они слабее, тем настойчивее стали бы просить для себя того же самого. Я же настолько полагаюсь на твою бдительность, что вполне уверен, что ты примешь все меры к тому, чтобы юлиополиты не терпели никаких обид. Если же кто-нибудь станет поступать против моих предписаний, принимай тотчас же решительные меры; если же будет допущен такой значительный проступок, что виновные не смогут на месте понести достаточное наказание, то, если это будут воины, донеси обо всем, что о них узнаешь, их главным начальникам; если же они будут направляться в столицу, то пиши об этом мне.

79. (LXXXIII). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Об условиях зачисления жителей Вифинии в сенат)

Закон Помпея, изданный для Вифинии, повелитель, предусматривает, чтобы никто не вступал в должность и не становился сенатором моложе

30 лет. Из этого же закона вытекает, что все, принявшие на себя какую-нибудь должность, становятся тем самым членами сената. После этого закона был издан эдикт божественного Августа, который разрешил занимать низшие должности лицам уже 25 лет от роду. Итак, спрашивается, может ли быть зачислен в сенат цензором тот, кто исполнял должность, будучи моложе 30 лет, и если может, то могут ли в силу того же толкования этого закона быть зачислены в сенаторы, начиная с того возраста, в котором им разрешается занимать должности, люди, еще и не исполнявшие никаких должностей. Говорят, что это вообще частенько до сих пор практиковалось и даже считается необходимым, потому что лучше поспешить ряды сенаторов детьми почтенных граждан, нежели допускать в курию выходцев из народа. Когда цензоры, назначенные на этот год, обратились ко мне с вопросом об этом, то я сказал, что по моему согласно эдикту Августа и закону Помпея, те, которые исполняли должности, будучи даже моложе 30 лет, могут быть зачислены в сенат, так как Август разрешил исполнять должности и моложе 30 лет; с другой стороны, закон утверждает, что, кто исполнял общественную должность, тот может быть и сенатором. Что же касается тех, которые должности не исполняли, но достигли возраста, при котором разрешается занимать должности, то я колеблюсь дать какой-либо определенный ответ, поэтому и обращаюсь, повелитель, к тебе за советом, какого ты желал бы решения по этому вопросу.

Выдержки из закона (Помпея) и также копию эдикта Августа я при сем прилагаю.

80 (LXXXIV). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Соглашаясь, любезнейший мой Секунд, с твоим толкованием приложенных тобою законов, я и сам полагаю, что эдикт Августа дополняет закон Помпея только в том отношении, что разрешает вступать в должность людям не менее 25 лет от роду. Те же, которые раз взяли на себя исполнение какой-нибудь должности, могут вступить в сенат в каждом провинциальном городе. С другой стороны, я не думаю, чтобы можно было зачислить в каком бы то ни было месте в сенат лиц моложе 30 лет, не исполнивших еще никакой должности, только на том основании, что они могли бы ее исполнять.

81 (LXXXV). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Дело Диона Кокцейана)

Когда я находился, повелитель, в Прусе близ Олимпа и, собираясь в тот же день уехать, занимался в доме, в котором останавливался, некоторыми общественными делами, один магистрат, по имени Асклепиад, заявил мне, что Клавдий Эвмолп подал мне апелляцию. Этот Эвмолп, выступая от имени Флавия Архиппа, заявил в буле, когда Дион Кокцейан хотел сдать городу произведенную им работу, что, прежде чем принимать у Диона работу, надо потребовать у него отчет, потому что он будто бы выполнил работу не так, как должен был ее выполнить. К этому он прибавил, что твоя статуя, повелитель, была воздвигнута на том же месте, где были похоронены жена Диона и его сын, и потребовал, чтобы я произвел разбирательство этого дела в судебном порядке. Когда же я сказал, что займусь этим делом тотчас же и отложу свой отъезд, он просил, чтобы

я дал некоторый срок подготовиться к этому делу и чтобы я слушал его в каком-либо другом городе. Тогда я сказал, что буду слушать его в Никее. Когда я, по приезде туда, устроил заседание для рассмотрения этого дела, тот же Эвмоп, все еще недостаточно подготовившись к слушанию дела, стал просить о новой отсрочке. Дион же, напротив, требовал, чтобы дело слушалось. С той и другой стороны было сказано многое, между прочим и относящееся к делу. Я сам, решив, что в деле столь важном и показательном следует согласиться на отсрочку и запросить твое мнение, сказал обоим тяжущимся сторонам, чтобы они представили мне свои требования в письменном виде. Я хотел, чтобы ты ознакомился со всем что было ими сказано, с их же собственных слов. Дион сейчас же обещал подать свое заявление, а Эвмоп сказал, что изложит все, чего он требует в интересах государства. Что же касается погребения родственников Диона, то он выступает в данном деле не в качестве обвинителя, а в качестве адвоката Флавия Архиппа, поручение которого он выполняет: Архипп же, в интересах которого выступал Эвмоп, так же, как он это делал в Прусиаде¹, заявил, что тоже даст свое письменное заявление. Однако ни Архипп ни Эвмоп до сих пор не дали мне своих заявлений, хотя я дожидаюсь их уже очень продолжительное время. Дион мне свое заявление подал, я прилагаю его к настоящему письму. Я лично отправился осмотреть все на месте: я видел твою статую, помещенную в библиотеке; гробница же, в которой, как говорят, погребены жена и сын Диона, помещается посреди двора, обнесенного портиками. Прошу тебя, повелитель, чтобы ты соблаговолил дать мне указания, как мне разрешить такого рода вопрос. Решения моего здесь ожидают все с напряжением, что вполне естественно в таком деле, которое получило широкую огласку и имеет много прецедентов.

82 (LXXXVI). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Ты мог бы и не задумываться долго над решением вопроса, о котором ты счел необходимым обратиться ко мне за советом, любезнейший мой Секунд, прекрасно зная мое основное правило добиваться уважения к моему имени не страхом, не запугиванием людей и не угрозами обвинения в оскорблении величества. Итак, следует отбросить подобное обвинение, которого я бы не допустил, даже если бы оно опиралось на другие примеры. Следует лучше потребовать отчет в строительстве, произведенном под наблюдением Диона Кокцейана, так как этого требуют интересы города и сам Дион от этого не отказывается или не должен был бы отказываться.

83 (LXXXVII). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Прзпроводительное письмо Плиния к заявлению жителей Никей, просящих себе права наследования лицам, умершим без завещания)

Повелитель, жители Никей официально просили меня, заклиная меня всем, что для меня должно быть и есть самого святого, именно твоим благом и вечностью твоей славы, чтобы я переслал тебе их прошение. Я не счел возможным им в этом отказать и прилагаю полученное от них прошение при сем письме.

¹ См. письмо 58 (LXVI).

84 (LXXXVIII). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Никейцы утверждают, что божественный Август предоставил им право наследовать имущество тех из граждан, которые не оставят завещания. Отнесись к их делу с полным вниманием, привлекиши всех лиц, имеющих отношение к этому вопросу, а также и моих уполномоченных, Вирдия Гемеллина и отпущенника моего Эпимаха, чтобы, выслушав также все противоположные мнения, принять решение, какое найдешь наилучшим.

85 (XVII). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Похвальный отзыв о вольноотпущеннике Максиме)

За все время совместного пребывания моего с Максимом, твоим отпущенником, повелитель, и управляющим твоими делами, он проявлял себя честным и вполне порядочным, ревностным и расчетливым и весьма преданным как твоим интересам, так и своему делу. Я с большим удовольствием свидетельствую об этом перед тобою со всей должной по отношению к тебе правдивостью.

85a (XVIII). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Отзыв о Габии Бассе)

Габия Басса, префекта Понтийского побережья, я знаю, повелитель, за человека весьма бескорыстного, добросовестного, ревностного и при этом весьма почтительного по отношению ко мне. Поэтому я свидетельствую об этом перед тобой с должной по отношению к тебе правдивостью и напутствую его своими пожеланиями.

86b (XVIIIa). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Отзыв о Фабии Валерии)

Фабия Валерия, обучавшегося военной службе вместе с тобой, я могу только хвалить; благоволение твое он, конечно, заслужил своей исполнительностью и строгой дисциплиной. Здесь у меня военные люди и гражданские чины, высоко ценя его справедливость и просвещенность, восхваляют его наперебой и публично и частным образом. Довожу об этом до твоего сведения со всей должной по отношению к тебе правдивостью.

87 (XIX). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Проьба за сына сотника Нимфидия Лупа)

Когда-то я был, о повелитель, вместе на военной службе с центурионом первого манипула триариев, Нимфидием Лупом: сам я был военным трибуном, а он—префектом. С тех пор началась наша тесная дружба. Со временем взаимная приязнь благодаря старой нашей дружбе сделалась еще крепче. В силу этого я, став наместником Вифинии, посягнул на его покой и добился того, чтобы он помогал мне здесь своими советами. Уступая дружбе, он пренебрег своей старостью и потребностью покоя и уже исполняет свои новые обязанности при мне и в дальнейшем будет их исполнять. Естественно, что в силу этих обстоятельств его обязательства родственных связей стали моими обязательствами, в особенности по отношению к сыну его, тоже Нимфидию Лупу. Это—честный и ревностный к службе

юноша, вполне достойный своего выдающегося отца. Он вполне заслужит твою благосклонность, как ты можешь об этом судить по тому, что за первую свою службу в качестве префекта когорты он заслужил полную похвалу двух почтеннейших мужей: Юлия Ферокса и Фуска Салинатора. Хотел бы я очень, повелитель, чтобы успех и почести этого юноши и в дальнейшем доставляли мне столько же радости и вызвали во мне новые приливы благодарности за твои милости.

88 (XXXIX). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Поздравление ко дню рождения Траяна)

Желаю тебе, о повелитель, счастливо провести настоящий день твоего рождения и проводить его благополучно еще много следующих лет, а также чтобы ты, пребывая в здравии и полной силе, умножал неувядаемую славу твоего имени бесчисленными делами твоей доблести.

89 (XC). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

С признательностью принимаю, дорогой мой Секунд, твое пожелание, чтобы мне суждено было провести еще много дней моего рождения при цветущем состоянии нашего государства.

90. (XCI). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О водопроводе для города Синопы)

Жители Синопы, повелитель, страдают от недостатка воды. Однако, как кажется, можно подвести к ним воду хорошего качества и в избытке с расстояния, примерно, в 16 миль. Только у самого истока есть на протяжении немного более одной мили место с почвой рыхлой и возбуждающей сомнение, выдержит ли она тяжесть сооружения. В данное время я приказал произвести там расследование, которое не будет дорого стоить. В деньгах, которые будут на это сооружение собраны при нашем участии, недостатка не будет, если только ты, повелитель, согласишься разрешить постройку такого рода, чтобы украсить этот город и удовлетворить его острую нужду в воде.

91 (XCII). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Как ты начал, любезнейший Секунд, так и продолжай со всем усердием производить исследования местности, сможет ли она выдержать тяжесть водопроводного сооружения. Не может быть никакого сомнения в том, что вода должна быть проведена в Синопу, если только этот город может осуществить это на свои собственные средства и, тем более, если это сооружение будет содействовать оздоровлению города и удовлетворению жизненных потребностей его граждан.

92 (XCIII). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О привилегии города Амиса производить сборы средств на свои нужды)

Город Амис, свободный и союзный с нами, пользуется в силу милостивого твоего, о повелитель, соизволения своими особыми законами. В этом городе мне подано было прошение, касающееся организации кассы взаи-

мопомощи (eganus). Я прилагаю его к этому письму и прошу тебя, повелитель, рассудить, что и в какой мере здесь следует разрешить или, наоборот, пресечь.

93 (XCIV). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Если по условиям союзного договора, каким пользуются амисцы, прошение которых ты приложил к своему письму, им разрешается иметь кассу взаимопомощи (eganus), то мы можем им этого не запрещать, поскольку они фактически их производят, если собираемыми таким образом средствами они пользуются не для организации мятежей или каких-либо неразрешенных собраний, а для поддержания наиболее бедных своих сограждан. Однако ничего подобного не следует разрешать ни в каком другом городе, живущем по нашим законам.

94 (XCV). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Просьба предоставить права отцов троих детей Светонию Транквиллу)

Уже давно, о повелитель, я из уважения к добрым нравам и к занятиям весьма уважаемого, почтенного и весьма ученого мужа, Светония Транквилла, пригласил его в свой дом на жительство. Чем ближе я стал с ним знакомиться, тем больше внушает он мне любви и уважения. Ему совершенно необходимо получить права отцов троих детей по следующим двум причинам: во-первых, он заслуживает подобного внимания со стороны друзей, а во-вторых, брак его не был для него счастливым. То, в чем ему отказала по своей превратности судьба, он может получить, ходатайствуя через нас о твоей милости. Я отдаю себе полный отчет, повелитель, о какой милости я тебя прошу. Но я прибегаю с этой просьбой именно к тебе, который неизменно был так отзывчив на все мои просьбы и пожелания. Ты можешь судить, насколько для меня важно, о чем я в данный момент прошу, уже хотя бы по тому, что я не стал бы просить тебя об этом заочно, если бы желал этого менее сильно.

95 (XCVI). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Тебе хорошо известно, любезнейший мой Секунд, как осторожно я при всех обстоятельствах раздаю права, о которых ты просишь, и что к тому же я обычно докладываю о таких случаях сенату, чтобы доказать, что я не превысил той нормы, ограничиться которой обещал этому уважаемому сословию. И все же на этот раз я подписал то, о чем ты просишь, и, предоставив Светонию Транквиллу права отцов троих детей на обычных условиях, приказал вписать это в мои записи.

96 (XCVII). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О христианах)

Для меня, повелитель, стало уже священным обычаем докладывать тебе обо всем, что вызывает мои сомнения. Да и кто мог бы лучше помочь мне разрешить колебания или наставить меня в моем неведении? Мне никогда не приходилось принимать участие в дознании по делам о христианах, поэтому я не знаю, что именно в этих делах и в какой мере необходимо расследовать и карать. Немалое сомнение вызывает у меня также, следует ли делать между обвиненными какое-либо различие по возрасту и отличать людей физически слабых от сильных, нужно ли придавать какое-нибудь

значение раскаянию, или, наоборот, не должно служить в пользу тому, кто раз был христианином, то, что он перестал быть таковым; наконец, что подлежит каре: самое ли название, хотя бы за данными обвиняемыми и не было никаких преступных деяний, или преступления, связанные с этим названием? Пока по отношению к тем, которых приводили ко мне на суд как христиан, я придерживался следующих мероприятий. Прежде всего я допрашивал их самих, христиане ли они; признавших себя христианами я допрашивал по второму и по третьему разу, угрожая им казнью. Упорствующих я приказывал отводить на казнь. Для меня было при этом совершенно ясно, что, каково бы ни было то, в чем они признавались, несомненно, наказанию подлежали их упорство и непреклонная их непокорность. Были среди них некоторые, подверженные подобному же безумству, которых, я, ввиду того, что они были римскими гражданами, назначал к отправке в столицу. Вскоре, в связи с гласностью этих процессов, как это обычно бывает, преступления такого рода стали распространяться, и среди обвиняемых стали появляться различные виды. Затем мне была представлена анонимная записка, содержащая много имен лиц, обвиняемых в принадлежности к христианству. Когда те из них, которые сами, однако, утверждали, что не христиане и никогда ими не были, по моему указанию выполнили молитвенные обращения к богам и совершили возлияние вина и воскурение фимиама перед твоей статуей, которую я нарочно для этой цели велел присоединить к изображениям наших богов, и, кроме того, произнесли злословия против Христа,—а говорят, что действительно являющихся христианами никогда нельзя к этому принудить,—я счел возможным совсем отпустить их на свободу. Другие, названные доносчиком, признали было себя христианами, но вскоре потом отреклись от этого, они, мол, были когда-то, но потом перестали быть христианами: один—три года назад, другие—уже за много лет до того, некоторые даже более двадцати лет назад. Все они воздали божеские почести твоей статуе и изображениям других богов, и все произнесли злословия против Христа. Они утверждали все же, что вся их вина или все их заблуждение состояли лишь в том, что они в установленные дни собирались вместе перед восходом солнца, пели по очереди хвалебные гимны Христу, считая его за божество, брали на себя клятвенные обязательства, но не для того, чтобы совершать какие-либо преступления, а, наоборот, не воровать, не разбойничать, не прелюбодействовать, не нарушать слова верности, не утаивать доверенного им имущества. После этого они, по их словам, обычно расходились, с тем чтобы потом опять собраться для совместной и совершенно непредосудительной трапезы, что они прекратили все это делать после моего декрета, которым я, согласно с твоим наказом, запретил какие бы то ни было тайные общества (гетерии). В связи со всем этим я счел тем более необходимым допросить под пытками об истинном положении вещей двух рабынь, бывших, как говорят, прислужницами при их культе. Однако я не узнал ничего другого, кроме того, что это какое-то странное и доведенное до крайности суеверие. Поэтому, отложив разбирательство, обращаюсь к тебе за советом. Это дело кажется мне заслуживающим обсуждения, главным образом из-за громадного числа людей, подвергающихся этой опасности. В эту опасность вовлечено уже и еще будет вовлекаться множество людей различного возраста и разных сословий того и другого пола. Зараза этого суеверия распространяется не только в городах, но и в селениях и деревнях. Однако, по видимому, возможно это остановить и исправить. По крайней мере достоверно известно, что храмы, некоторое время бывшие почти совершенно заброшенными, начали снова посещаться и торжественные богослужения после долгого промежутка времени снова восстанавливаться; повсюду стали

покупаться жертвенные животные, на которые до сих пор можно было найти покупателя лишь очень редко. Из этого легко можно заключить, какое множество людей сможет излечиться от своего заблуждения, если только будет предоставлена возможность раскаяния.

97 (ХСVIII). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

В расследовании дел обвиненных перед тобой за причастность к христианству ты вступил, милый мой Секунд, на совершенно правильный путь: в делах подобного рода невозможно вообще установить какую-нибудь одну, вполне определенную и всеобщую форму. Разыскивать подобных людей не следует, если же они обвинены и уличены, их следует наказывать, при этом, однако, если кто из них будет отрицать свою принадлежность к христианству и докажет это на деле, т. е. совершит моление бсгам, то, какие бы ни были на нем раньше подозрения, за свое раскаяние он должен получить прощение. Анонимные же доносы не должны иметь никакого значения ни при каком судебном обвинении. Это могло бы создать самый пагубный пример и вообще не соответствует нашему времени.

98 (ХСIX). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О благоустройстве города Амастриды)

В городе Амастриде, повелитель, красивом и благоустроенном, имеется перед важнейшими городскими зданиям очень красивая и далеко протянувшаяся в длину улица. Вдоль нее сбоку на всем ее протяжении идет так называемая речка, на самом же деле отвратительная клоака; мало того, что она крайне безобразна на вид, она, кроме того, распространяет вредное для здоровья зловоние. Поэтому для оздоровления города и ради красоты совершенно необходимо сделать над ней перекрытие. Если ты только разрешишь, это и будет сделано, а я уже позабочусь, чтобы было достаточно средств для этого значительного и в такой же мере необходимого сооружения.

99 (С). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Вполне целесообразно будет, любезнейший мой Секунд, сделать перекрытие над стоком вод в городе Амастриде, особенно если, оставаясь незакрытым, он вреден для здоровья. Я совершенно уверен, что ты со всей ответственностью тебе энергией позаботишься, чтобы не было недостатка в нужных для этого средствах.

100 (СI). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О произнесении обетов за благополучие императора Траяна и римского государства)

Мы с большой радостью и воодушевлением выполнили, повелитель, обеты, данные нами в предыдущем году, и произнесли опять новые при участии воинов и провинциалов, соревновавшихся между собой в преданности и уважении к тебе. Мы молим богов, чтобы они по своей благодати сохранили в полной неприкосновенности тебя, а также цветущее состояние нашего государства, за которое мы обязаны, помимо твоих многочисленных и выдающихся добродетелей, еще и особенному твоему благочестию, покорности богам и их почитанию.

101 (CII). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

С большим удовлетворением узнал я из твоего письма, дорогой мой Секунд, о том, что все воины и провинциалы, во главе с тобой, в радостном содружестве выполнили обеты, данные за мое благополучие, и вновь произнесли их на будущее время.

102 (CIII). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О праздновании годовщины дня вступления Траяна в управление империей)

О повелитель, мы отпраздновали с подобающим торжеством и благоговением день, в который счастливое наследование передало в твои руки попечение о роде человеческом. Мы возносим от лица всех богов, передавшим тебе власть, наши обеты и благодарственные молитвы.

103 (CIV). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Приятно мне было узнать из твоего письма, дорогой мой Секунд, что воины и провинциалы, во главе с тобою, отпраздновали день вступления моего в управление империей с подобающей радостью и благочестием.

104 (CV). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Просьба о предоставлении гражданства трем волеюотпущенникам Валерия Паулина)

Валерий Паулин передал мне, повелитель, патронат над всеми своими отпущенниками, пользующимися латинским правом, кроме одного, по имени тоже Паулина. Я же ходатайствую перед тобой о праве римских граждан¹ для трех из них. Боюсь, что было бы слишком нескромно с моей стороны просить у тебя о той же милости для всех их: чем полнее ты оказываешь мне свое благоволение, тем меньше должен я им злоупотреблять. Прошу тебя в данный момент за трех лиц: Гая Валерия Астрэя, Гая Валерия Дионисия и Гая Валерия Апра.

105 (CVI). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Так как просьба твоя ко мне о людях, переданных Валерием Паулином твоей заботе, столь своевременна и достойна уважения, то да будет тебе известно, что я приказал занести в мои записи, что я предоставил права римского гражданства пока что тем, за которых ты просишь; так же я готов сделать это и для остальных, за которых ты стал бы еще меня просить.

103 (CVII). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Ходатайство о дочери центуриона Публия Акция Аквиллы)

Центурион шестой конной когорты обратился ко мне, повелитель, с просьбой переслать тебе его прошение, в котором он просит об улучшении гражданского положения его дочери. Я считал бы слишком жестоким отказать ему в этой просьбе, так как знаю, с каким сочувствием и с какой снисходительностью ты всегда относишься к нуждам воинов.

¹ Ius Quiritium.

107 (CVII). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Прошение центуриона шестой когорты, Публия Акция Аквиллы, присланное тобой, я прочел. Просьба его меня тронула, и я решил предоставить его дочери право римского гражданства¹. Посылаю тебе копию с рескрипта для передачи ему.

108 (СІХ). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О предпочтительном праве вифинских и понтийских городов на имущество должников)

Прошу тебя, повелитель, отпиши, какие права ты считаешь правильным предоставить городам Вифинии и Понта при взыскании денег, причитающихся им от сдачи помещения в аренду, от продаж или по другим подобным статьям. Я нашел указания на то, что многие проконсулы предоставляли им преимущественное право на имущество должников перед всеми другими кредиторами, и это имело силу закона. Однако я полагаю, что ты по своему усмотрению должен установить и санкционировать какое-нибудь положение, на основании которого будут охраняться их интересы на все будущее время. Ведь все установления других лиц, хотя бы даже и разумные, будут иметь непрочное и кратковременное значение, если ты не подтвердишь их своим авторитетом.

109 (СХ). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Какими правами должны пользоваться вифинские и понтийские города при взыскании денег, не выплаченных им по той или другой статье, следует решать на основании местных законов каждого из этих городов. А именно, если они пользуются привилегией преимущественного права перед всеми другими кредиторами—это их право надо оберегать, если же такой привилегии у них нет, то с моей стороны было бы неправильно предоставлять им ее в ущерб интересам частных лиц.

110 (СХІ). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Дело Юлия Пизона)

Поверенный города Амиса предъявил передо мной иск к Юлию Пизону на сумму около 40 тыс. денариев, пожалованных ему официально более двадцати лет назад с разрешения народного собрания и буле. При этом он опирался на твое постановление, запрещающее подобного рода раздачи. Пизон, со своей стороны, заявил, что он вложил чрезвычайно много средств в общественные дела города и израсходовал на это почти все свое состояние. Кроме того, он ссылаясь на давность времени и просил, чтобы с него не взыскивали, лишая его последнего его состояния, тех сумм, которые он получил когда-то за многие свои заслуги. В силу этих обстоятельств я решил отложить рассмотрение этого дела и обратиться, повелитель, к тебе за указаниями, чем мне руководствоваться.

¹ Civitatem Romanam.

111. (CXII). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Как, с одной стороны, мои предписания запрещают раздачи частным лицам из общественных средств, так, с другой стороны, чтобы не подрывать благосостояния многих, не следует взыскивать или требовать погашения ссуд, выданных уже несколько лет назад. Таким образом, оставим в покое все то, что из подобных дел было совершено более двадцати лет назад. Я хочу проявлять не меньшую заботливость об отдельных лицах в любом месте, чем об интересах общественной казны.

112. (CXIII). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О денежных взносах лиц, зачисляемых в провинциальные сенаты)

Закон Помпея, повелитель, которым пользуются жители Вифинии и Понта, не требует взноса денег от тех, которых цензоры заносят в число булевтов. Те же лица, которые с твоего милостивого разрешения зачислены были в некоторых городах сверх установленного числа, вносили по одной и по две тысячи денариев. Впоследствии проконсул Аниций Максим приказывал—правда, лишь в немногих городах,—чтобы даже те, кто был занесен в списки цензорами, платили ту или другую сумму денег. Таким образом, тебе останется самому решить, должны ли будут в дальнейшем во всех городах и все люди за внесение в списки булевтов платить какую-нибудь одну определенную сумму, так как то, чему надлежит быть закрепленным на будущее время, должно быть утверждено тобою, чьим делам и распоряжениям подobaет вечность.

113. (CXIV). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Мною не может быть установлено в качестве общего правила, должны или не должны вносить деньги¹ за почетное звание декурионов все те, кто его получает, и в каких именно городах. Я считаю наиболее правильным,—что во всех случаях является и самым безопасным,—руководиться законами каждого города в отдельности; что же касается тех, которые делаются декурионами против своей воли, то полагаю, что им следует предоставлять сравнительно с другими льготы при этом взыскании.

114 (CXV). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О законе Помпея, касающемся права граждан провинции Вифинии быть членами сената не в своем родном городе)

По закону Помпея, повелитель, всем городам Вифинии разрешено приписывать к себе каких угодно граждан, лишь бы они не были гражданами городов, находящихся в Вифинии. Тем же законом установлено, по каким причинам люди могут быть исключены цензорами из числа сенаторов. Поэтому некоторые цензоры сочли нужным обратиться ко мне за советом, следует ли им исключить из числа сенаторов граждан других городов. Закон, с одной стороны запрещает приписывать посторонних граждан, а с другой стороны, не предписывает вычеркивать людей на

¹ Honorarium.

этом основании из числа сенаторов; кроме того, как многие мне говорили, во всех городах среди булевтов имеется множество лиц, являющихся гражданами других городов. Далее, если в данный момент применить эту часть закона, которая уже давно как бы по общему согласию считается устаревшей, то придется потревожить очень много людей и очень много городов. Поэтому я счел необходимым запросить твое мнение, чего мне в данном случае придерживаться. Выписки из закона при сем прилагаю.

115(СХVI). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Твои сомнения, любезный мой Секунд, вполне основательны и справедливы, так как тебе надо дать ответ на запрос цензоров, должны ли оставаться в числе сенаторов лица, являющиеся гражданами других городов той же провинции. Авторитет закона, с одной стороны, и получившая права обычая продолжительная практика, противоречащая его основному положению, естественно, могли затруднить твое решение. Я считаю правильным следующее компромиссное решение этого вопроса: не будем изменять ничего из того, что было сделано раньше, и пусть, хотя и вопреки закону, останутся в списках люди, к каким бы городам данной провинции они ни были приписаны; на будущее же время пусть закон Помпея применяется со всей строгостью. Если бы мы захотели соблюдать этот закон, придавая ему обратное действие, нам пришлось бы произвести слишком большую ломку.

116 (СХVII). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О пирах и раздачах подарков частными лицами в ознаменование торжественных моментов их жизни)

Часто бывает, что по случаю принятия тоги взрослого мужа или по случаю свадьбы или вступления в исполнение общественной должности, или, наконец, освящения какой-либо общественной постройки люди приглашают к себе на празднество всю буле, а также нередко и множество простого народа и раздают всем приглашенным по одному и по два денария. Прошу тебя повелитель, отпиши, считаешь ли ты возможным разрешать подобные сборища и в каких пределах. Сам я, хотя и полагаю, что можно было бы разрешать собрания, особенно по случаю семейных торжеств, все же опасюсь, как бы те лица, которые созывают по тысяче человек и даже более, не превысили меру и не получилось бы из этого подобия общественных раздач¹.

117 (СХVIII). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Я нахожу совершенно основательными твои опасения, как бы не приобрели характера общественных раздач эти приглашения на празднества, превышающие всякую меру по своей многолюдности и собирающие людей для торжественных раздач не поименно, из круга знакомых, а словно бы какими-то корпорациями. Но я вполне полагаюсь на твою мудрость, ради которой и передал тебе это управление, чтобы ты, исправляя нравы этой провинции, избрал при этом правильные мероприятия для обеспечения на будущее время мирной в ней жизни.

¹ Dianome.

118 (СХІХ). ГАЙ ПЛИНИЙ — ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О наградах и праве на свободу для победителей в соревнованиях атлетов)

Атлеты настаивают на том, чтобы права, установленные тобой для победителей на «освободительных» состязаниях, присваивались им с того дня, как они удостоены были венка победителя. По их мнению, важен не момент их торжественного въезда в родной город, а момент их победы на состязании, на основании которого только и может осуществиться их въезд. Я, со своей стороны, склонен подчеркивать самое значение названия «освободительных» боев, как дающих право на въезд в город, и потому сильно сомневаюсь, не правильной ли считаться с тем сроком, когда они совершили свой въезд в родной город¹. Те же атлеты просят, чтобы им дали паяк за победы в тех состязаниях, которые тобою потом были объявлены «освободительными», хотя они победили, когда состязания таковыми еще не были. Они говорят, что если им ничего не дадут за победы в состязаниях, переставших быть «освободительными», после того как они в них победили, то вполне справедливо, чтобы им выдали это вознаграждение за победу в тех боях, которые стали «освободительными» после того, как они победили. Но в этом отношении у меня опять большие сомнения, следует ли придавать обратную силу этому постановлению и выдавать вознаграждение, которое не полагалось в момент одержания победы.

Прошу тебя, повелитель, разреши мои сомнения, а именно, дай разъяснение установленной тобой привилегии.

119 (СХХ). ТРАЯН — ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Иселастиком, т. е. «въехавшим», следует, по моему мнению, считать победителя в состязании атлетов только с того момента, как он действительно совершит свой въезд в родной город². Пайка в качестве награды за победы в тех состязаниях, которые я впоследствии объявил освободительными и которые раньше таковыми не были, за прежнее время выдавать не следует. Не может быть также истолковано в пользу атлетов и по их желанию ни то обстоятельство, что некоторые состязания объявлены мною освободительными после их победы, ни то, что другие после их победы перестали быть таковыми. Ведь, несмотря на изменения условия состязания, с них не взыскивается обратно то, что они успели уже получить.

120 (СХХІ). ГАЙ ПЛИНИЙ — ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О предоставлении Плинием жене своей казенной подорожной на проезд в Италию)

Вплоть до сего времени, о мой повелитель, я не предоставлял казенных подорожных никому и ни для какого дела, кроме личных твоих. Но одно исключительное обстоятельство заставило меня нарушить это установленное мной самим правило. Я не смог отказать в этом, считая это излишне жестоким, моей жене, которой в связи с получением известия о смерти ее деда захотелось поскорее навестить свою тетку. Все значение этой моей

¹ В латинском тексте письма здесь вставлено греческое слово *εἰσόδου*.

² Здесь в ответе Траяна тоже вставлено греческое слово *εἰσόδου*.

услуги—в срочности и быстроте совершения пути, а я был уверен, что ты одобрил бы мотивы этой поездки, в основе которых лежит благочестие. Я пишу тебе об этом потому, что я счел бы себя неблагодарным по отношению к тебе, если бы умолчал, что среди множества других твоих ко мне милостей я за эту тоже обязан твоему ко мне благоволению. Полагаясь на него, я не поколебался это сделать, как если бы имел на то твое разрешение; если же бы я действительно стал тебя запрашивать, я опоздал бы с его выполнением.

121 (СХХII). ТРАЯН.—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Ты поступил совершенно справедливо, дорогой мой Секунд, что положился на мое к тебе расположение. Совершенно несомненно, что если бы ты стал дожидаться, пока не посоветуешься со мной, можно ли помочь твоей жене в пути подорожными грамотами, которые я предоставил тебе для служебных надобностей, то самое использование их могло бы оказаться уже не достигающим цели, так как радость свидания жены твоей с теткой должна была увеличиться, главным образом, от скорейшего ее прибытия.

Перевел В. Соколов

ПРИМЕЧАНИЯ

К письму 1 (I). Слова о бремени правления, которое Траян принял на себя уже раньше, намекают на то, что Траян по усыновлении его Нервой в сентябре 97 г. н. э. был одновременно объявлен соправителем императора.

К письму 2 (II). Права отцов троих детей (*ius trium liberorum*) основывались на законах Августа, изданных им с целью поощрения брачной жизни и деторождения и известных под общим обозначением *leges de maritandis ordinibus*, в частности на законе 9 г. н. э.—*lex Julia et Papia Poppaea*. Обладание хотя бы одним ребенком делало доступным *ius liberorum*, освобождавшее от налога на холостяков. Обладание тремя детьми представляло максимальные привилегии. *Ius trium liberorum* и доставляло облегчение в налогах, преимущества для должностных лиц в мысле предостережения более почетных мест в торжественных процессиях, в театре и т. п., сокращало обязательные промежутки между должностями (по одному году на каждого ребенка) и таким образом облегчало повышение в служебной карьере, наконец, давало преимущество в правах наследства. Во времена императоров это право превратилось в формальность, в привилегию, которую можно было получить по милости правителя или по ходатайству влиятельных лиц. Сам Плиний получил это право после двух своих браков, оставивших его бездетным, перед вступлением в третий брак. Сам же он, спустя некоторое время, испросил у Траяна, ни в чем ему не отказывавшего, такое же право для приятеля своего, историка Светония Транквилла, бывшего тоже бездетным (письмо 95). Ср. также Ер. 11, 13.

К письму 3 (XX). Процесс Мария Приска, бывшего проконсула Африки, по обвинению его в вымогательстве (*de repetundis*), слушался в 100 г. н. э. Это был год третьего консульства самого императора Траяна, и в этом же году был в течение двух месяцев консулом сам Плиний. Упоминаемый в письме *consul designatus*—Корнут Тертулл, со товарищ Плиния по консульству. Поручение сената выступить с защитой провинциалов было дано не только Плинию, но вместе с ним знаменитому историку Тациту. Процесс этот они выиграли. Весь этот процесс описан Плинием в письме его к Арриану (Ер. II, 11—12).

Выражение «ваше благоволение» (в первой фразе) следует, повидимому, объяснить тем, что назначение на должность префекта (*praefectus aegarii*) Плиний получил еще от императора Нервы. Траян же впоследствии это назначение подтвердил и повторил (Моммсен).

К письму 4 (III). Воконий Роман—ровесник и ближайший друг Плиния, о котором он отзывался с теплотой и даже нежностью в ряде писем (Ер. I, 5; II, 13; III, 13). Мать его была из знатного римского рода Ближней Испании, возможно, близкого к роду Ульпиев, к которому принадлежал и Траян.

Права наследника могли оспариваться другими родственниками, если наследник вел порочную жизнь. Усыновление со стороны вотчина предоставляло, несомненно, только имущественные права; связь с родом отца при этом не порывалась, как это бывало при обычном усыновлении, например, самого Плиния, Траяна и др. (Моммсен «Hermes» 3).

К письму 5 (IV). *Civitas Romana*—права римского гражданства как политические, так и имущественные (*ius suffragii*, *ius honorum*, *ius commercii* и т. п.). Во время императоров этих прав добивались иностранцы или жители провинций. *Ius Quiritium* вклю-

чает в себе понятие о полноте гражданских прав, сравнительно с неполноправием, например, *iuris Latini*; *ius Quiritium* добывались обычно вольноотпущенники и некоторые другие разряды неполноправных граждан в Италии.

К письму 6 (XXII). Право александрийского гражданства для жителей египетских округов имело такое же значение, как *ius Quiritium* для неполноправных италиков.

К письму 7 (XXIII). Помпей Планта был при Веспасиане прокуратором Ликии и Памфилии; в 98 г. н. э. был префектом Египта; написал историю войны Вителлия с Отоном; умер в начале II в. н. э. Плиний в своем письме к другу своему Максиму (IX, 1) убеждает его скорее опубликовать написанное им о себе и о Плантае.

К письмам 8 и 9 (XXIV и XXV). Письмо 8 имеет автобиографическое значение. Слова об окончании месячного срока службы Плиния, повидимому, относятся к его консульской должности 100 г., поскольку все другие известные нам должности, занимавшиеся Плинием, не ограничивались месячными сроками; следовательно, возможно, что и панегирик Траяну Плиний произнес не 1 сентября, а 1 июля.

Муниципальный город, упоминаемый в письме,—это Тифернум Тиберийский в Этрурии, патроном которого Плиний был избран еще в годы своей юности. В окрестностях этого города Плинию принадлежало много поместий.

К письму 10 (V). Точная дата письма нам неизвестна. Встреча императора, предполагаемая Плинием, могла относиться к моменту его первого появления в Риме после смерти Нервы (Моммзен) или к моменту его возвращения с войны против даков (в 103 г. н. э.).

К письму 13 (VIII). Должность авгура освободилась в 103 г. со смертью Секста Юлия Фронтина, известного общественного деятеля и писателя, пользовавшегося большим почетом у современников. Известны его сочинения: 1) *De agrorum qualitate*, 2) *De aquaeductibus*—по вопросам размежевания земель и постройки водопроводов, и 3) *Strategemata*.

Под должностью септемвира подразумевается участие в жреческой коллегии *septemviri epulones*, заведывавшей священными пиршествами.

К письму 14 (IX). Имеется в виду, повидимому, окончательная победа Траяна над Децебалом в 106 г. н. э.

К письмам 15 (XXVI) и 16 (XXVII). Все исследователи сходятся на том, что первые 14 писем «Переписки» написаны были до отъезда Плиния в Вифинию, с 15-го и до конца—относятся ко времени управления Плинием этой восточной провинцией, куда Плиний был направлен Траяном с особыми полномочиями в должности легата (*legatus imperatoris consulari potestate*). Вифиния продолжала при этом оставаться сенатской провинцией. Случаи, когда для управления ею посылались особые легаты от имени императора, известны и до Плиния, именно: в 48, 57, 78 гг., а после Плиния туда с такими же полномочиями был послан сотоварищ Плиния по консульству 100 г.—Корнут Тертулл.

К письму 17 (XXVIII). За 15 дней до октябрьских календ—17 сентября. День рождения Траяна приходился на 18 сентября (53 г. н. э.).

Упомянутые в пятой фразе подрядчики-застройщики, это—*curatores operum*. Они брали в аренду—часто с аукциона незастроенные участки земли, застраивали их и через несколько лет, вернув свой капитал, возвращали городу с постройками. Такой *curator operum* выведен в письме 81 в лице Диона Кокцейана.

К письму 21 (XXIX). Бенефициарии—воины, находившиеся в привилегированном положении, назначались на легкую работу, преимущественно состояли в свите или охране должностных лиц.

К письму 25 (X). За восемь дней до декабрьских календ 24 ноября. По предположению Моммзена, Сервилий Пудент был в Никомедии только проездом в какую-нибудь

более отдаленную провинцию и был легатом какого-нибудь проконсула или командиром какого-нибудь легиона (Mommson, «Hermes», 3).

К письму 26 (XI). Личность Розияна Гемина нам ближе не известна.

К письмам 27 (XX XVI) и 28 (XX XVII). Число воинов шесть и три принимается здесь лишь предположительно. Место это в первоисточнике испорчено, но именно такую его редакцию предполагают весьма авторитетные исследователи, как Mommson, Hardy, Kukula, Merrill.

К письмам 29 (XX XVIII) и 30 (XX XIX). Вопрос о военной силе в Вифинии и Понте имел во времена Траяна большое значение. Провинция Понт и Вифиния наряду с другими малоазиатскими областями была причислена к сенатским провинциям, и в них имелось налицо всего каких-нибудь 5—6 тысяч войска, квартировавшего преимущественно в Галатии, да около 40 морских судов для борьбы, главным образом, с пиратами. Для поддержания порядка внутри городов стали впоследствии создаваться особые городские ополчения, род жандармерии, под начальством местных иринархов (Mommson, Ист. Рима, т. V).

К письмам 33 (XIII) и 34 (XLIII). Слова Траяна в его ответе «по примеру многих других городов» намекают на крупные города Малой Азии, как Эфес, Смирна, Милет и др.

К письмам 35 (XLIV) и 36 (XLV). Молебствия, совершавшиеся в Вифинии при участии Плиния, служат веками для уточнения хронологии пребывания Плиния в Вифинии. Всего в «Переписке» имеется 5 извещений Плиния о совершении молений и произнесении обетов; письма 35, 52, 88, 100 и 102. Из них в двух, именно в письмах 52 и 102, молебен приурочивается к годовщине вступления Траяна в управление империей (повидимому, 27 января 112 и 113 гг.). Остальные приходятся на дни рождения императора (18 сентября 112, 113 г.).

К письмам 37 (XLVI)—42 (LI). Город Никомедия был столицей вифинских царей и имя свое получил от царя Никомеда I, сделавшего его центром государства. С превращением Вифинии в римскую провинцию Никомедия осталась административным ее центром. Однако права римской колонии этот город получил поздно—лишь в III в. н. э. При Траяне город этот, несмотря на то, что продолжал оставаться центром как административным, так и религиозным, был все же на подозрении в отшатывании политическом (ср. письма 41—42).

Никея—город греческий, носивший ранее имя Антигонии. Переименован был в ознаменование какой-то победы, одержанной, повидимому, Лизимахом. При Траяне окружной центр, второй по величине город после Никомедии. Клавдиополь—прежний Вифинион, один из стариннейших городов страны, с развитием приморских городов пришел в упадок, права римской колонии получил при императоре Клавдии, в честь которого и был переименован. Озеро близ Никомедии—озеро Боане, ныне Сабанджа-Чель.

Упомянутые в письме 41 цари—Вифинские цари. Последним из них был Никомед III; с 75 г. до н. э. Вифиния стала римской провинцией.

К письму 42 (LI). Кальпурний Макр—проконсул Мезии. Плиний адресовал ему письмо (V, 18), где упоминает о жене и детях Макра.

К письмам 43 (LII) и 44 (LIII). Вопрос об упорядочении финансов в провинции был выдвинут самим Траяном, как вопрос важнейший, за разрешение которого Плиний должен был приняться в первую очередь (письмо 18). Финансы провинции составлялись в основном из налоговых сборов с населения. Они поступали в ведение наместника и в значительной своей части отсылались им в столицу. Кроме того, у каждого более или менее значительного города было свое городское хозяйство, опиравшееся на доходы с городского имущества, но в большей степени также на добровольные взносы и сборы с граждан. Это хозяйство тоже находилось под контролем римского правителя, иногда специально назначаемого императорским правительством из посторонних городу лиц,

это так называемые *curatores rei publicae*, или *locustae*. Городские должностные лица должны были испрашивать их разрешения на всякую более или менее солидную затрату общественных средств. По крайней мере так должно было бы быть на основании существовавших узаконений (Моммзен, Ист. Рима, V; VIII). Из писем Плиния, однако, мы узнаем о беспорядке, царившем в финансах провинции и отдельных городов, и о трудности упорядочить это хозяйство (ср. ниже письмо 47 и др.). Положение города Византия было двойственным. Территориально находясь на европейском берегу пролива, он имел теснейшую связь с Мезией, однако в административном отношении входил в состав Вифинии. Император Клавдий дал Византию большие привилегии и на 5 лет освободил от уплаты податей. Веспасиан отнял у Византия эту привилегию, но все же город продолжал называться *urbs libera* (например, у Плиния Старшего) и пользовался, как мы видим, особым вниманием Траяна. При Северах была восстановлена свобода от уплаты податей.

К письмам 45 (LIV) и 46 (IV). *Diplomata*— грамоты или письма императоров или других правительственных лиц— выдавались отдельным лицам, обществам или целым городам для закрепления каких-нибудь привилегий. Например, *diplomata civitatis Romanae* предоставляли права римского гражданства; другие закрепляли право пользования каким-нибудь хозяйственным угодьем на определенный срок или облегчали налоги, объявляли помилование, или предоставляли право пользоваться лошадьми и повозками на императорских постоянных дворах. Образцом могут служить документы, приложенные к делу Флавия Архиппа в письме 58.

К письму 47. Город Анамея был римской колонией *iuris italicici*. Свои привилегии он получил от Юлия Цезаря после его победы над Фарнаком и полностью стал называться: *Colonia Iulia Concordia Araemea*.

К письмам 49 (LVIII) и 50 (LIX). В Риме первое знакомство с культом Реи-Кибелы произошло в период окончания второй Пунической войны. Вскоре после этого ей был построен храм на Палатинском холме. К участию в служении ей были привлечены женщины из знатных патрицианских родов. Но культ этот в Риме всегда считался чуждым, иностранным; даже жрецы для него выписывались с Востока. В других местах культ Великой Матери сливался с культом Деметры, Геи, Изиды и др.

К письму 51 (XII). Упомянутая в этом письме теща Плиния— несомненно, мать второй жены Плиния, богачка, имевшая большие связи в Риме, Помпея Целерина. Имя первой жены Плиния нам неизвестно, третья же его жена, внучка Кальпурния Фабага, была сиротой, воспитывала ее тетка, Кальпурния Гиспулла.

К письмам 52 (LX) и 53 (LXI). См. примечания к письмам 35 и 36.

К письмам 56 (LXIV) и 57 (LXV). Публий Сервилий Кальв был проконсулом Вифинии непосредственно перед наместничеством Плиния. Он был близок Траяну, повидимому заведывал его личной канцелярией и был автором или, во всяком случае, редактором большинства, если не всех, ответов Траяна на письма Плиния. С этими данными вполне сходится в ответе Траяна указание на желательность его личного разговора с Кальвом по вопросу, затронутому в письме Плиния. Имя Кальва упоминается вообще среди литераторов времени Траяна.

Юлий Басс, бывший проконсулом Вифинии несколько раньше, был обвинен жителями этой провинции в вымогательстве. Он был отдан под суд, все его распоряжения по провинции были аннулированы. Плиний защищал его и добился его оправдания. Процесс этот он описал в своих «Письмах к друзьям», где вообще несколько раз упоминает имя Юлия Басса (IV, 9; V, 20; VI, 29).

К письмам 58—60 (LXVI—LXVIII). Упомянутый в этих письмах Флавий Архипп, именующий себя философом, был при Домициане профессионалом-доносчиком (ср. письмо 81), искусно маскировавшим свою постыдную деятельность. По его имени можно догадаться, что он вышел из рядов вольноотпущенников Флавия Домициана, получив право носить родовое имя своего патрона. Эти обстоятельства вполне

объясняют отношение к нему самого Домициана и его щедрые ему подарки. С переменной правителя после насильственной смерти Домициана и одновременной переменной режима управления империей Архипп должен был искать других источников для существования. Дальнейшая его судьба известна из письма 58. Тот же Архипп упоминается еще и в письме 81.

Проконсул Павел Великий управлял Вифинией при Домициане. Известно, что он сопровождал Домициана в его войне с сарматами.

Философом Плиний назвал Архиппа, вероятно, имея в виду софистов, которые, на положении оплачиваемых из городских средств учителей юношества, пользовались большим почетом и разными льготами в отношении общественных повинностей. Моммзен указывает (в V т. своей «Истории Рима»), что в городах Малой Азии такие преподаватели получали от 500 до 700 драхм в год.

Город Пруса (теперешняя Брусса) был крупным торговым городом Западной Вифинии; Прусиада—маленький городок, стоявший на караванном пути в Понт, в восточной части Вифинии (см. карту Вифинии). Название города Прусиада повторяло имя вифинских царей. В Вифинии имя это носили два города; приморский город, древняя греческая колония Киос (Prusias ad mare), за поддержку римлян в войне с Митридатом получивший права свободного города (civitas libera), и другой город того же названия Prusias ad Hurrimum), расположенный при входе в Понт. Он еще самим Помпеем был сделан окружным центром провинции Понт и Вифиния. Среди приложенных документов обращает на себя внимание эдикт императора Нервы, резко отличающийся по своему стилю от всех прочих, особенно от ответов Траяна (см. прим. к письму 45).

К письмам 63 (XIII), 64 (XIV) и 67 (XV). Боспорский царь Савромат, царствовавший от 93 по 123 г. н. э., был как бы вассальным князем по отношению к Римской империи и носил титул друга императора и римского народа. С какой целью было отправлено им посольство, нам ближе неизвестно. Можно только предполагать, что предмет переговоров мог иметь отношение к подготовке войны на Востоке против парфян.

К письмам 65 (LXXI) и 66 (LXXII). Из указаний на ряд узаконений по тому же вопросу можно заключить, что подкидывание и оставление на произвол судьбы детей в восточных провинциях и в самой Греции было явлением широко распространенным. К сожалению, ни один из названных в письме законов до нашего времени не сохранился. Армений Брокх и Авидий Нигрин были, повидимому, проконсулами Ахайи.

К письму 74 (XVI). Письмо это знакомит нас с интересной фигурой афериста Каллидрома. Поведение его очень типично: на допросе он ссылается на самых известных лиц с громкими именами. Лаберий Максим—большой сановник в Риме, близкий императору человек. Сусаг—дакийский князь, полководец царя Децебала, с которым Траян вел упорную борьбу, окончившуюся полным поражением дакийцев в 106 г. н. э. Пакор—парфянский царь.

К письмам 77 (LXXXI) и 78 (LXXXII). Должность центуриона centurio legionarius, т. е. пехотного центуриона, повидимому, была связана с организацией в данном городе самостоятельного гарнизона, о чем было упомянуто в примечании к письмам 29 и 30. В связи с тревожным положением в Вифинии к моменту приезда туда Плиния появление новых городских ополчений могло казаться опасным. Юлиополь—старинный город, называвшийся ранее Гордиукоме. От Юлия Цезаря он получил права и городское самоуправление, в связи с чем и переименовал свое название.

К письмам 79 (LXXXIII) и 80 (LXXXIV). Подлинный текст этих писем очень испорчен, так что даже не во всех изданиях сходятся указания на предельный возраст для занятия должности: во многих изданиях указан возраст в 22 года. Возраст в 25 лет принимается новейшими исследователями Kukula и Merrill и находит себе подтверждение в «Дигестах» (Dig., 50, 4, 11).

Упомянутый закон Помпея нам ближе не известен. Под именем lex Pompeia приходится предполагать один из законов, изданных Помпеем Великим для Вифинии

и вообще для Азии, когда он после окончания войны с Митридатом занялся устройением этой провинции. Впоследствии законы его были подтверждены Юлием Цезарем. Не сохранился также и упомянутый эдикт Августа.

К письмам 81 (LXXV) и 82 (LXXXVI). О Флавии Архиппе см. примечания к письмам 58—60.

К письму 85 (XVII). Вольноотпущенник Траяна Максим упоминается еще и в письмах 27 и 28. Несомненно, он принадлежал к «штату» провинциального управления Вифинии и Понта наряду с другими вольноотпущенниками: Эпимахом (письмо 84) и Ликормом (письма 63 и 67) и, повидимому, свободнорожденным Вирдием Гемелином (письма 27, 28 и 84)—главным прокуратором императора. Эти служащие (чиновники) и вершили, по существу, все дела управления, они и были знатоками делопроизводства во всех его тонкостях (ср. письмо 6). Траян прямо рекомендует Плинию совещаться с ними по важнейшим вопросам управления. С другой стороны, отзыв о них, равно как и о правителе (praefectus) Понта, должен был давать императору Плиний.

К письмам 86a (XVIII) и 86b (XVIIIa) Подлинный текст этих писем очень испорчен: в средней части большая лакуна. Во многих изданиях оба эти письма слиты в одно, и все письмо целиком отнесено к характеристике Габия Басса. Другие издатели, опираясь на одно из первоизданий (изд. Катанея 1506 г.), делят письмо на две половины и вторую превращают в характеристику некоего Фибия Валерия, нам ближе неизвестного.

К письму 87 (XIX). Это письмо Плиния относится к ряду писем с ходатайствами за его друзей. В данном случае это его товарищ по службе и его сын, носящие одинаковое имя Нимфидия Лупа. Должности военного трибуна (tribunus militum) и префекта (praefectus) во времена Плиния обе стали штабными. Плиний как член высшего общества, хотя и не сенаторского рода, благодаря своим связям и средствам исполнял эту должность в молодых годах (в 83 г. н. э.), как неизбежную ступень к более высоким должностям гражданской службы. Нимфидий Луп, повидимому, остался на действительной военной службе и дослужился до сравнительно высокой должности центуриона первого манипула (высшая офицерская должность в легионе).

Упомянутые в письме Юлий Ферокс и Фуск Салинатор были членами высшего общества в Риме, любителями и ценителями литературы. Из них первый, тонкий стилист (ср. «Письма» VII, 13), был избран в консулы во время процесса Мария Приска (см. письмо 3). Он принадлежал к видной семье; его сын и внук были казнены императором Адрианом в 136 г., как участники политического заговора. Другой, Фуск, сам занимался переводами с греческого; ему адресовано несколько писем Плиния (VII, 9; IX, 36).

К письмам 88 (XXXIX) и 89 (XC) см. выше примечание к письмам 35 и 36.

К письмам 90 (XCI) и 91 (XCII). Город Синопа был одной из древних столиц Понтийского царства. От Юлия Цезаря после его победы над Фарнаком Синопа получил права римской колонии iuris italicis; полное его название: Colonia Iulia Felix Sinope.

К письмам 92 (XCIII) и 93 (XCIV). Город Амис на Понтийском побережье был древней греческой колонией, выведенной из Милета. Он получил свои особые права от римлян, повидимому за услуги, оказанные им во время войн с Митридатом и Фарнаком. Город продолжал жить по традициям греческих приморских городов с их многочисленными обществами, союзами, объединениями (стариков, молодежи, обществами взаимопомощи и т. д.). Существовавшая в городе Амисе касса взаимопомощи носила греческое название epanos. Собранные деньги употреблялись или для выкупа пленника или раба, или для того, чтобы помочь начать коммерческое дело и т. п. Бывали случаи и обратной выплаты денег получившим их; такой долг считался долгом чести. Иногда деньги собирались для нужд целого общества. Правительство Траяна относилось к таким сборам средств подозрительно (ср. письма 33 и 34).

К письмам 94 (XCV) и 95 (XCVI). Наши биографические сведения об историке Светонии Транквилле чрезвычайно скудны и в основном—особенно относительно его мо-

лодых лет—опираются на письма Плиния. Светоний был лет на 12—13 моложе Плиния (даты его жизни 75—160 гг. н. э.), и последний, будучи с ним дружен и к нему близок, выступал рядом с ним в качестве его друга-покровителя. Он с интересом следил за его научными и литературными занятиями, поощрял его к изданию уже приготовленных трудов, помог ему своим вмешательством приобрести недвижимую собственность, выхлопотал для него должность трибуна, от которой Светоний, кстати сказать, отказался в пользу одного своего родственника; наконец, выхлопотал у Траяна для него права отцов троих детей (ср. примечание к письму 2). Светонию адресовано несколько писем Плиния (I, 18; III, 18; V, 10).

К письмам 96 (XCVII) и 97 (XCVIII). Письма Плиния и Траяна о христианах вызывают большие сомнения в отношении их подлинности. По этому вопросу существует уже обширная литература, обосновывающая как отрицательное, так и положительное к ним отношение. Сомнение возбуждается главным образом потому, что по письму Плиния христианские общины представляются обладающими очень прочной организацией, проводящими регулярные собрания своих участников с песнопениями чередующихся хоров во славу Христа, уже признанного богом, с произнесением каких-то клятв, что весьма мало вероятно для такого раннего времени; тем менее вероятным кажется указание на более чем двадцатилетний срок существования таких христианских организаций. Особенно веская критика была дана французскими исследователями: (B. A u b é, *Histoire des persécutions de l'église*. 1875 и E. D e s j a r d i n s, *Les Antonins d'après l'épigraphie* («Revue des deux mondes», 1874), но тогда же с возражениями против них выступил G. B o i s s i e r в том же журнале (IV, 1876) и в «Revue archéologique» (I, 1876, стр. 114). Вопрос этот многократно освещался в науке и в дальнейшие годы. Косвенно затрагивают этот вопрос и работы, посвященные истории христианства. Он ставится, например, в работе А. Дрекса («Миф о Христе», Т. II, стр. 21, изд. «Атеист», 1924 и др.), А. Рановича («Античные критики христианства», стр. 243 и 244. ОГИЗ. 1935). Веский довод, подтверждающий мнение о позднейшей интерполяции в письме Плиния о христианах, дает Н. Lietzmann («Die liturgischen Angaben des Plinius», «Geschichtliche Studien». Leipzig 1916). Он исходит, главным образом, из анализа литургической стороны христианского культа и доказывает, что описанная Плинием практика христианских собраний общины могла бы быть подмечена лишь не раньше IV в. н. э., когда только впервые стало проводиться антифонное пение, как нововведение Флавиана и Диодора; см. также книгу акад. Р. Ю. Виппера «Возникновение христианской литературы».

С другой стороны, историки литературы, опирающиеся на исследования литературно-филологического характера, склонны считать оба письма совершенно подлинными (Teuffel, 1891; Schanz, 1935). Наконец, другие исследователи становятся на компромиссную позицию и, не принимая писем целиком, считают их подлинными в некоторых их частях (например, W i l h. W e b e r, *Nec nostri saeculi est*. Tübingen 1927).

На письма Плиния о христианах ссылается уже апологет Кв. Тертуллиан в конце II в. н. э. Кроме того, ответное письмо Траяна очень типично и по лаконичности своего делового тона, и по литературному стилю, и по содержанию. Либерализм Траяна в этом вопросе вполне соответствует общему направлению всей его внутренней политики. Наоборот, впечатление литературной фальсификации производит то место в письме Плиния, где он дает характеристику христианских общин, описывает их собрания и представляет христианское учение распространившимся по всей стране и во всех слоях общества.

К письмам 111 (CXII)—115 (CXVI). Упоминаемый закон Помпея нам не известен (ср. примечание к письмам 79 и 80). Письма эти дают нам интереснейший исторический материал, позволяющий подметить момент, когда впервые стали братья деньги за вступление в ряды сенаторов провинциального муниципия, что впоследствии, как известно, превратило сенаторский сан и сенаторские должности в продажные. К сожалению, подлинный текст письма 113 очень испорчен. Аниций Максим—проконсул Вифинии при Траяне, один из предшественников Плиния, год его проконсульства в точности неиз-

вестен. Возможно, что он—сын Публия Аниция Максима, уроженца Антиохии, в честь которого в его родном городе была сделана надпись, прославляющая его военные заслуги при императорах Калигуле и Клавдии.

Особенно неясно начертание последней фразы. Различные редакции резко расходятся между собой, но ни одна не дает совершенно ясного и понятного текста. Лишь неизменно встречающиеся в каждой из них термины: *praeferre* или *praestatio*, *praestantior*, бесспорно указывают на какие-либо преимущества, льготы, предпочтительные права.

Еще больше трудностей представляет собой весьма ответственное место в письме 114, именно фраза первая. Здесь разные редакции дают чтения, по значению совершенно противоречащие друг другу. Так, стереотипное издание начала XX в., долгое время считавшееся авторитетным, предлагает чтение, согласно которому членами сената могли быть только горожане, приписанные к каким-либо городам той же самой провинции Вифинии. Другие, более новые редакции предлагают чтение, принятое и для данного перевода (Keil, Kukula, Merrill). Недоумение разрешается на основании логической аргументации. Ответ Траяна (именно слова его: «должны ли оставаться в числе сенаторов лица, являющиеся гражданами других городов той же провинции») подтверждает правильность принятой нами редакции.

К письмам 118 (СХІХ) и 119 (СХХ). Игры и зрелища, дающие победителям право сделаться свободными, обозначены трудно переводимым термином *iselasticus*, образованным от греческой глагольной формы *ἰσέλασται* (въехали). Буквально следовало бы переводить этот термин как «въездной». Момент торжественного «въезда» победившего на игрищах атлета в свой родной город по существу совпадал с моментом его принятия в число свободных граждан данного города. Отсюда обозначение самих игрищ—освободительными. Из дальнейшего содержания письма Плиния узнаем, сколько произвола было в применениях этого права или в отказе в нем. Правительство Траяна стоит на такой точке зрения: рабы-гладиаторы представляют собой устрашающую силу; необходимо идти на какие-то уступки, но слишком много воли давать им опасно.

К письмам 120 (СХХІ) и 121 (СХХІІ). Упоминаемый здесь дед жены Плиния—Кальпурний Фабат, коренной и старинный житель родного Плинию города Комум в северной Италии. Он там и умер. Тетка жены—воспитавшая ее, сироту, Кальпурния Гиспулла (см. примечание к письму 51). То обстоятельство, что жена сопровождала Плиния в его служебной командировке в Вифинию, приходится считать явлением почти исключительным, свидетельствующим о большом доверии Траяна к Плинию. Как правило, этого не полагалось. Исключения делались лишь для таких выдающихся лиц как Германик, которого всюду сопровождала его жена Агриппина, да еще для префектов Египта и прокураторов Иудеи. При Александре Севере это было окончательно запрещено.
